

ШКОЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

6+

5/2022

Учредители
журнала:

АО «Молодая
гвардия»
и коллектив
редакции

Главный
редактор

Ю.И. Кочетков

Редакционная
коллегия:

С.В. Винокурова

В.З. Денискина

И.Н. Зарубина

О.В. Клековкина

Ю.И. Котов

Т.М. Морева

И.И. Семёнова

А.П. Торопцев

СОДЕРЖАНИЕ

Внимание, конкурс!	1
Елена Фёдорова. История советской пионерии	2
ПРОБА ПЕРА Конкурс юных авторов	17
НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ Глеб Еремеев. Стихи Павел Шубин. Стихи	24 29
АЗ, БУКИ, ВЕДИ Андрей Сунгуров. Стихи Ольга Насонова. Лёвкин слон	38 40
Леонид Пантелеев. Зелёные береты	48
Екатерина Рогачёва. Здесь всё по-другому	75
УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ Лариса Шевцова. Урок 50. Ирис	89

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Наш конкурс продолжается и в 2022 году.

Мы решили немного изменить его условия и разделить участников на возрастные категории:

младшая категория — 1 — 5 класс;

средняя категория — 6 — 8 класс;

старшая категория — 9 — 12 класс.

В остальном условия остаются прежними.

За первое место победитель получает приз, о котором мы объявим позже и который вас не разочарует.

За второе и третье места авторы получают в подарок книги, которые смогут выбрать из предложенного редакцией списка.

Тексты принимаются в электронном виде на адрес: schoolvestnik@mail.ru

Окончание приёма заявок 1 декабря 2022 года.

Жюри конкурса — редакция журнала «Школьный вестник».

Надеемся на ваше активное участие и желаем творческих успехов!

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ПИОНЕРИИ

19 мая 2022 года исполняется 100 лет со дня рождения пионерской организации. Этот день памятен, а может, и дорог людям старшего поколения, детство которых было пионерским.

Значение слова «пионер» можно объяснять по-разному, но главный смысл этого слова — «первый». Первый космонавт или первопроходчик неизведанных земель, учёный, открывший целое новое направление в науке, изобретатель доселе невиданной техники. Все они пионеры. Но для человека, родившегося в СССР, пионеры — это девчонки и мальчишки от 9 до 14 лет с красным галстуком на шее, члены Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина.

У этой организации большая, богатая событиями история. Долгое время считалось, что история детских и молодёжных общественных движений России началась после Октября 1917 года, с образованием комсомола и пионерской организации. На самом деле первое детское общественное объединение появилось в 1909 году. Это был первый российский скаутский отряд «Бобры».

Родилось скаутское движение в Англии в 1907 году. (Слово «скаут» переводится с английского как «разведчик».) Его основателем является полковник Роберт Баден Пауэлл. Всё началось с того, что полковник решил провести в подходящей для детей форме скаутские мероприятия, которые практиковал во время своей военной карьеры. Баден Пауэлл служил в Индии как офицер-специалист по военной разведке, кар-

тографии и маскировке и вёл полевые занятия у молодого пополнения.

Методы Баден Пауэлла оказались нетрадиционными для того времени: он создал небольшие группы, или патрули, действующие под руководством одного лидера и имевшие отлаженную систему специальных поощрений тех, кто хорошо выполнял свою задачу. Для большей эффективности он награждал своих учеников нашивками с традиционным для тех времён рисунком — стрелки компаса. Сегодняшняя Всемирная скаутская эмблема очень похожа на этот знак.

Баден Пауэлл собрал вместе 20 очень разных мальчиков, одни из них учились в закрытых частных школах для богатых, другие были из рабочих семей. Он организовал для них лагерь на острове Броунси. Мальчики жили в лесу в палатках, сами готовили пищу на костре. Плавали, занимались гимнастикой, ходили в походы, учились ориентироваться в лесу. Эксперимент прошёл настолько удачно, что Баден Пауэлл счёл возможным опубликовать его результаты в книге, в которой день за днём была описана жизнь детей в лагере. Выпуская книгу, он и не думал о создании новой детской организации, но интерес к его начинанию оказался ошеломляющим. В течение недели после выхода книги по всей стране мальчики образовали патрули бойскаутов, и к концу года начала действовать национальная штаб-квартира по координации этого движения.

Книга Баден Пауэлла вышла и в России по указанию Николая II. В начале XX века Россия переживала разочарование от неудач в войне с Японией, выявивших недостатки в подготовке русской армии к боевым действиям. Потому неудивительно, что идея скаутского дви-

жения вызвала живейший интерес царя, она оказалась созвучной с его собственными мыслями о необходимости допризывной подготовки молодёжи, особенно сельской. Много пользы движение скаутов могло принести и в воспитании у молодёжи чувства патриотизма и долга перед отечеством, сильно пострадавших после поражения в войне 1904 — 1905 годов.

Власти задумывались над этой проблемой, и в 1908 году возникло движение «потешных». Это название было взято в память о мальчиках, с которыми Петр I играл в войну, а потом создал из них лучшие гвардейские полки — Семёновский и Преображенский. Проходило это движение под эгидой Министерства просвещения в виде военизированных отрядов для сельской и городской молодёжи. Отставные унтеры учили мальчиков маршировать под строевые песни, управляться с ружьями, правда, деревянными.

И в России среди родоначальников скаутского движения тоже были военные, в частности, капитан первого лейб-гвардии стрелкового полка Олег Иванович Пантюхов. Идеи скаутского движения захватили Пантюхова. Он не поддерживал «потешных отрядов», потому что отвергал милитаризацию детей и считал, что мальчишками и юношами должны руководить их же сверстники, а задача взрослых — лишь помогать им.

Первое звено (патруль) Пантюхова называлось «Бобёр». Жена Пантюхова сшила первый флаг, создала рисунок первой эмблемы российских скаутов, которая условно называется сейчас «Мальчик под деревом». Существует легенда, что прообразом этого мальчика был сын императора Николая II, Алексей.

Движение быстро распространялось по России и, как и во всём мире, активизировалось в связи с началом Первой мировой войны. В 1914 году правительство утверждает устав Общества содействия организации мальчиков-разведчиков «Русский скаут», председателем которого стал вице-адмирал И.Ф. Бострем. Именно стараниями взрослых людей в разных городах России стали формироваться скаутские отряды. Не случайно расцвет скаутинга связан с войной. У подростков появилась реальная возможность принести пользу Родине. И скауты действовали в соответствии со своим девизом «Будь готов!». Они дежурили на станциях и помогали встречать поезда с ранеными, ухаживали за ними в госпиталях, размещали беженцев, собирали подарки на фронт, помогали в деревнях крестьянам, в семьях которых на фронт ушли кормильцы.

Очень много для развития скаутского движения в России сделал В.А. Попов. Он заинтересовался скаутским движением с первых моментов его появления в России и стал одним из руководителей московских скаутов. Человек он был деятельный и увлечённый. Много лет он был редактором популярного тогда в России журнала «Вокруг света». Страстно и с большим знанием дела пропагандировал он романтику приключений, путешествий и открытий. В каждой интеллигентной семье, где росли мальчишки, выписывали этот журнал. Попов хорошо знал мальчишек, их психологию, вкусы, стремления и мечты. И если он смог создать лучший в то время приключенческий журнал для подростков, то увлечь их идеей скаутизма ему тем более удалось.

С 1915 по 1917 год в журнале «Вокруг света» печатался скаутский листок «Будь готов!». И в каждом выпуске

обязательно была статья Попова. Он рассказывал об основных принципах русского скаутизма и его задачах, о жизни скаутов в разных странах, о событиях в скаутских отрядах, о летних лагерях. Вот что писал он в 1916 году:

«Скаутизм в России есть организация отнюдь не военная, а рыцарская. В задачи его входит внушение юношам рыцарского отношения к окружающим, любви и преданности к родине, заботливого и благожелательного отношения ко всем людям.

Обязанности, которые берёт на себя вступающий в организацию, изложены в следующих пунктах.

Исполнять свой долг перед Богом, родиной и Государем.

Любить свою родину и всеми силами стремиться быть полезными и честными гражданами России.

Оказывать услуги и помогать всем, особенно старым людям, детям и женщинам.

Быть всегда правдивым и верным данному слову.

Беспрекословно исполнять приказания своих начальников.

Быть другом животных.

Быть весёлым и никогда не падать духом.

Быть вежливым и аккуратным.

Быть верным законам разведчиков.

Подчиняться суду чести.

От военных организации разведчиков отличаются тем, что в военном строе всегда есть известная тенденция стереть индивидуальность мальчика и превратить его в автомат, тогда как цель скаутизма состоит именно в том, чтобы развить в нём индивидуальный характер.

Форменная одежда, значки, символы — всё это придаёт скаутизму тот обаятельный характер, который так прельщает юношеский ум».

В 1915 году В.А. Попов основал в Москве музей скаутского движения, первый скаутский музей в мире. Про-существовал он до начала 1920-х годов и исчез вместе с запретом в советской России самого скаутского движе-ния. А вот песня, которую написал Попов для своих воспитанников, осталась. И вы сами, вероятно, её пели. Это знаменитая «Картошка». Потом её подхватили пио-неры. Но из неё исчезло всё, что напоминало о скаутах.

Комсомольский поэт Александр Жаров внёс в текст песни изменения и дополнения. Вот что он рассказывал о том, как песня «вступила в пионеры»: «Голодновато жил в то время трудовой народ. Даже картошки было мало... Сама песня про картошку существовала и рань-ше... Музыку взяли целиком, а слова было поручено написать мне, тогда ещё очень юному поэту». Вместо слов «Ну, споёмте-ка, ребята, жили весело мы как» те-перь звучит: «жили в лагере мы как». Появился совер-шенно новый куплет, отсутствовавший у Попова: «Ах, картошка объединенье, пионеров идеал! Тот не знает на-слажденья, кто картошки не едал!» И теперь «Картош-ка» остаётся очень популярной песней.

В 1915 году происходит первый скаутский съезд, ут-вердивший устав, организационную структуру и симво-лику русского скаутизма. К октябрю 1917 года в 143 го-родах России насчитывалось около 50 тысяч скаутов.

После Октябрьской революции скаутское движение распадается. Если в областях, занятых белыми, сохра-нялся традиционный скаутинг, придерживавшийся им-перско-патриотической и антисоветской позиции, то на советской территории наблюдались попытки в той или иной форме соединить скаутскую организацию с рево-люционной идеологией («пионерское» движение Инно-

кентия Жукова и «юкистское» движение — «юных коммунистов-скаутов», принявших галстуки красного цвета). Наконец, существовало и принципиально аполитичное движение «лесных братьев» — следопытов леса, продолжавших туристически-натуралистские традиции с опорой на книги Сетон-Томпсона.

Однако комсомол, видя в скаутах своих соперников, резко отрицательно относился ко всем этим формам и уже в 1919 году на Втором съезде РКСМ объявил им войну.

Скаутинг был объявлен реакционным, буржуазным и монархическим явлением. С ребят-скаутов срывали символику, «прорабатывали» на собраниях. Дети и подростки, сочувствовавшие революции, избивали их и «сдавали» их в ОГПУ.

1922 год был последним годом деятельности скаутов в России.

КАК НАЧИНАЛАСЬ ПИОНЕРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Руководители страны Советов понимали необходимость создания собственной, коммунистической детской организации. Новой стране были нужны новые люди, с новым коммунистическим сознанием.

Идея создания пионерской организации была сформулирована Н.К. Крупской, которая в 1921 году несколько раз в разных местах выступила с докладом «О бойскаутизме». «Бабушка пионерии» предложила комсомолу взять на вооружение скаутские методы и создать детскую организацию, «скаутскую по форме и коммунистическую по содержанию». Руководители комсомола сначала не приняли эту идею. Однако после выступле-

ния Крупской на Бюро ЦК РКСМ для обсуждения вопроса была создана специальная комиссия. В комиссию был представлен подробный доклад И. Жукова. 10 декабря 1921 года по докладу комиссии было принято положительное решение Бюро, и начались поиски конкретных организационных форм.

И. Жуков предложил для новой организации название «пионеры», заимствованное из скаутской практики. Был сохранён и скаутский призыв «Будь готов!» с изменением его идеологической подоплёки: теперь пионеры были готовы на борьбу за освобождение рабочих и крестьян всего мира. Символику новой пионерской организации тоже позаимствовали у скаутов: галстук на шее теперь стал красным, три его конца стали означать три поколения — пионеров, комсомольцев и коммунистов; три лепестка лилии на скаутском значке на пионерском заменили на три языка пламени костра. Не изобретали и новых принципов деятельности: сохранились игровые формы воспитательной работы с детьми, организация их по отрядам, институт вожатых, сборы у костра, летние лагеря.

История Всесоюзной пионерской организации фактически началась в 1922 году. На протяжении этого года возникли пионерские отряды в целом ряде городов и селений. 3 декабря первые пионерские отряды появились в Петрограде. Четыре первых отряда были созданы из Российского отряда юных разведчиков. Официально Пионерская организация образована решением Всероссийской конференции комсомола 19 мая 1922 года. В октябре 1922 года 5-й Всероссийский съезд РКСМ постановил объединить все пионерские отряды в детскую коммунистическую организацию «Юные пи-

онеры имени Спартака». 21 января 1924 года, в день смерти Ленина, решением ЦК РКСМ организации было присвоено имя Ленина, а в марте 1926 года установлено официальное название — Всесоюзная пионерская организация им. В.И. Ленина, сохранявшееся до конца её существования.

Поначалу пионерские отряды создавались в качестве организаций при городских Домах воспитания, своего рода прообразах будущих Домов пионеров. Принимали индивидуально, но иногда в пионерские отряды реорганизовывались уже существовавшие отряды скаутов. В 1925 — 1926 годах происходило повсеместное образование пионерских организаций на базе школ. К началу 1925 года в СССР насчитывалось до полутора миллионов пионеров. Пионерское движение в СССР было массовым. Пионерами становились дети, начиная с 9-летнего возраста, обычно в 2 — 4 классах советской средней школы, и состояли в ней до 14-летнего возраста, когда начинался приём в комсомол. Сначала — отличники и активисты, затем остальные дети. Не брали в пионеры редко, обычно только отпетых хулиганов. Случалось, что дети отказывались вступать в пионеры по религиозным соображениям.

«РАДОСТНЫМ ШАГОМ С ПЕСНЕЙ ВЕСЁЛОЙ МЫ ВЫСТУПАЕМ ЗА КОМСОМОЛОМ!»

(Пионерская песня)

Пионерская организация родилась и делала свои первые шаги в необычное время — время энтузиастов и мечтателей. Кончилась Гражданская война, в стране разруха, голод, стоят заводы и фабрики. А люди верят,

что они построят новую жизнь, счастливую и справедливую. И строят, героически терпят лишения и упорно трудятся. И юные пионеры активно включаются в жизнь взрослых.

Вот только декларируемая самодеятельность пионеров в реальности практически отсутствовала. Под руководством комсомольцев пионеры выполняли задачи, которые перед ними ставило партийное руководство, спуская распоряжения в ВЛКСМ.

Чем только не занимались пионеры в 1920 — 1930-х годах. Помогали в борьбе с беспризорничеством — агитировали сверстников, оставшихся без родителей и без дома, устроиться на работу, в детский дом, вступить в пионерский отряд.

Участвовали в ликвидации в стране неграмотности. К 1930 году юные учителя обучили грамоте свыше одного миллиона человек. Сотни тысяч неграмотных пришли в школы ликбеза благодаря настойчивости и убедительной агитации пионеров за грамоту.

Во время кампании за техническую грамотность занимались в технических кружках, собирали радиоприёмники и отправляли их в подшефные сёла. Выращивали почтовых голубей и служебных собак для армии. Собирали на полях оставшиеся после уборки урожая колоски; работали в колхозах, на полях, охраняли урожай и колхозное имущество. Трудились на коммунистических воскресниках и собирали для переработки вторсырьё.

Занятия детям старались подбирать по силам и интересам. Поэтому предложенные вожатыми задания пионеры выполняли если не с энтузиазмом, то с осознанием того, что делают что-то важное, полезное для всей страны.

«ГАЗЕТА — НЕ ТОЛЬКО КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПРОПАГАНДИСТ И КОЛЛЕКТИВНЫЙ АГИТАТОР, НО ТАКЖЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЙ ОРГАНИЗАТОР»

В.И. Ленин

Вместе с пионерской организацией родилась и пионерская печать. Первая пионерская газета «Юный Спартак» вышла 15 декабря 1922 года в Харькове.

6 марта 1925 года увидел свет первый номер газеты московских пионеров «Пионерская правда», которая в 1927 году стала всесоюзной пионерской газетой. И выходит она до сих пор. Правда, тираж у неё стал меньше, несколько тысяч экземпляров, а когда-то, в 1980-х годах, он составлял 13 миллионов экземпляров. Выписывали её во всех, даже самых отдалённых уголках страны. Если разложить все экземпляры друг за другом, ими можно было бы обернуть земной шар.

«Пионерка», как её всегда называли, действительно была организатором. Сейчас бы её назвали информационным спонсором. Газета вместе с общественными и спортивными организациями проводила все-союзные и международные детские мероприятия, очень популярные у детей. Это были соревнования на призы клубов «Золотая шайба», «Кожаный мяч», «Белая ладья»; военно-спортивная игра «Зарница»; выставки детских рисунков и фотографий, выставки творчества юных техников.

А какие авторы печатались в газете! Горький, Маяковский, Гайдар, Маршак, Кассиль.

И ещё два замечательных журнала — «Пионер» и «Костёр». «Костёр» продолжает выходить и сейчас, хотя

его содержание и оформление изменились до неузнаваемости. А вот «Пионер», с сожалением, прекратил своё существование.

Идеологически все советские детские издания по мысли их создателей были призваны «помогать пионерской организации и школе в коммунистическом воспитании подрастающего поколения, одновременно прививая детям идеалы дружбы, товарищества, взаимопомощи, любви к Родине, добра и справедливости». Но идеология идеологией, а хорошие книги дети всегда будут читать. Журнал «Пионер» сотрудничал с детскими писателями всех поколений. Прежде чем повести, романы, поэмы выходили отдельными книгами, они печатались (обычно в нескольких номерах, с продолжением) в «Пионере». На его страницах впервые предстали перед читателем дядя Стёпа, капитан Врунгель, Король Матиуш Первый и другие любимые герои детских книг. В «Пионере» были впервые опубликованы «Голубая чашка» и «Дальние страны» Гайдара, сказка «Старик Хоттабыч» Л.И. Лагина (1938 год), позднее — многие произведения Эдуарда Успенского. Нынешние бабушки и дедушки с нетерпением ждали выхода нового номера «Пионера» с продолжением «Мэри Поппинс» или повестей Владислава Крапивина.

«ВЗВЕЙТЕСЬ КОСТРАМИ, СИНИЕ НОЧИ!»

(Пионерская песня)

Первые летние лагеря создавались с начала 1920-х годов пионерскими отрядами, существовавшими по месту жительства или при крупных предприятиях. Городские пионеры выезжали в лагерь, организованный на один летний сезон, уже сложившимся составом со сво-

им постоянным вожатыми. Фактически такой лагерь был продолжением отрядной деятельности в летний период, но с упором на спортивное и военно-патриотическое воспитание.

Идея использования пионерских лагерей для отдыха и оздоровления школьников принадлежит председателю Российского общества Красного Креста З.П. Соловьёву. Первым таким лагерем нового типа стал открытый в 1925 году лагерь «Артек». Там же в Артеке в 1927 году впервые была введена штатная должность вожатого.

Соловьёв создавал «Артек» как здравницу для детей с заболеванием туберкулёзом, очень распространённым в те годы. Главный пионерский лозунг в его интерпретации звучал так: «Будь здоров! Всегда здоров!» Ещё в конце 1920-х годов здесь, на берегу Черного моря, побывала делегация детей из Германии. С тех пор международные делегации становятся для «Артека» обычными, а вот идеология начинает постепенно меняться.

Первые артековцы жили в брезентовых палатках. Через два года на берегу были поставлены лёгкие фанерные домики. А в 1930-е годы благодаря построенному в верхнем парке зимнему корпусу «Артек» постепенно был переведён на круглогодичную работу. В 1936 году в «Артеке» прошла смена пионеров-орденоносцев, награждённых правительственными наградами, а в 1937 году лагерь принял детей из охваченной Гражданской войной Испании.

К 1969 году в «Артеке» уже 150 зданий, 3 медицинских центра, школа, киностудия «Артекфильм», 3 плавательных бассейна, стадион на 7000 мест.

Здесь происходит всё самое интересное в пионерской жизни. Те, кто побывал в «Артеке» в пионерском дет-

стве, вспоминают это время как ярчайшее переживание своей детской биографии. В январе и феврале 1958 года пионеры строят у Генуэзской скалы памятник Пушкину. В мае начинаются съемки кинокартины по повести Гайдара «Военная тайна». В августе проходят Международные детские спортивные игры. И в этом же году лагерю присваивают официальный статус Международного.

Сюда приезжают знаменитости высшего ранга: политики, артисты, космонавты, писатели. Только в августе-сентябре 1958 года «Артек» принимает премьеру ГДР Вилли Штофа, авиаконструктора Туполева, лётчика Кожедуба, балерину Софью Головкину, лауреата Сталинской премии певца Поля Робсона. И самого Хрущёва. Но Хрущёв главный пионерский лагерь страны недолюбливал, считал достижения социализма в отдельно взятом пионерлагере достижениями буржуазными и даже сказал со свойственной ему прямоотой: «Я против всяких Артеков». Ничего, правда, после этого не изменилось, и артековские горны продолжали греметь на всю страну.

Пионерская организация стала действительно массовой, однако постепенно её работа становилась всё более формализованной, ограничивалась рамками школы, несшей нагрузку по воспитанию будущих коммунистов. В каждой школе работал старший пионерский вожатый на ставке, который и должен был организовывать работу дружин. Отрядные вожатые из старшеклассников-комсомольцев всё более формально относились к своей общественной работе. На практике пионерские сборы зачастую проходили под руководством учителей. При школах создавали клубы интернациональной дружбы, организовывали походы, работы по уборке пришкольных

территорий, помощь ветеранам, сбор вторсырья, военно-спортивные игры, торжественные пионерские линейки и прочие мероприятия, которые всё менее были интересны подросткам и часто проводились для галочки, для отчёта.

Вместе с распадом СССР прекратила своё существование Всесоюзная пионерская организация. С середины 80-х годов предпринимались попытки реформировать Пионерскую организацию, однако детская и юношеская организация в прежнем масштабе не была создана. С октября 1990 преемником Пионерской организации является Союз пионерских организаций — Федерация детских союзов.

Нет в нашей стране ни одного человека, рождённого до 1980 года, который не был бы пионером. Не только бывшие пионерские активисты, но многие сегодня вспоминают свои пионерские годы с ностальгией, однако в детальных беседах выясняется, что скучают бывшие пионеры просто по времени своего детства, вспоминают с теплом интересные события вроде походов или ночных костров в летнем лагере. А идеологическое пустословие, пропитавшее всю жизнь советской страны, казалось им в детстве скучным, набившие оскомину лозунги и призывы они просто пропускали мимо ушей.

ПРОБА ПЕРА

КОНКУРС ЮНЫХ АВТОРОВ

Анастасия Мошникова

*ученица 9 класса ОГБОУ «Школа-интернат
№ 26», г. Рязань*

НЕОБЫЧНАЯ ВЫСТАВКА

В начале учебного года на одной из площадей нашего города под открытым небом разместился передвижной музей памяти «Бессмертный полк Валаама». До сих пор помню те чувства, которые я испытала, оказавшись на этой площадке. Вокруг неслись потоки машин, прохожие спешили по своим делам, суетились, смеялись. И вдруг я — в другой реальности. Шум города остался позади, а вокруг — безмолвные лица солдат-фронтовиков Великой Отечественной войны.

Портреты ветеранов резчик Иван Марценюк вырезал по серии графических работ Геннадия Доброва «Автографы войны». Выставка уникальна тем, что все работы этой выставки были выполнены из дерева. В них нет ярких и тёплых оттенков акварели. Простые чёткие, даже где-то грубые линии, сделанные мастером, отражают настоящую цену победы, суровость, рассказанную без прикрас.

Под многими портретами — краткая история, которая трогает до глубины души. «Совсем мальчишка, 17 лет,

добровольцем ушёл на фронт, был ранен в голову. На острове Валаам жил все послевоенные годы, парализованный, неподвижно сидящий на подушках». В этом году я побывала на острове Валаам и слышала много подобных историй, страшных, суровых, как-то не вписывающихся в настоящую реальность.

Наши герои. Их лица изрезаны глубокими морщинами, шрамами войны. Тогда, в сорок первом, они были ещё совсем молодыми и отдали свои жизни за нас, за наше будущее. И не просто жизни, а свою молодость, здоровье, надежды. И вот ты переходишь от одной работы к другой, вчитываешься, всматриваешься и осознаёшь, что они стали никому не нужны, забыты. Почему так происходит? Что заставляет нас становиться чёрствыми, бездушными? Не так давно у нас в Рязанской области ушёл из жизни ещё один ветеран Великой Отечественной войны. Это больно. Нам просто нужно успеть сказать им спасибо не только словами, а больше, наверное, своими поступками, действиями.

У многих, кто был на выставке «Бессмертный полк Валаама», на глазах блестели слёзы. Я это видела, да и сама не могла сдержать их. Но были и те, кто проходил мимо. Проходил не оглядываясь, а значит, предавал их память, их подвиг, их боль, их девиз, который вырезан на одном из фото:

Живите, как мы жили!
Любите Родину!
Защищайте!
Не продавайтесь!
Бейте врагов!
Берегите Родину!

Многие говорят о том, что гордятся победой. Можно ли гордиться тем, что сделал не сам? Побеждали, жертвовали собой наши прабабушки и прадедушки, мы — нет. Наша задача — оберегать память и бережно передавать её нашим потомкам.

Экспонаты этой необычной выставки вселяют в нас надежду на то, что и мы, потомки, никогда не забудем этих людей, тех, кто делал историю.

КЕРОСИНОВА ЛАМПА

На земле живут миллионы людей, и каждый человек хранит в своей памяти воспоминания, способные влиять на него в будущем. Есть люди, которые помнят обиду, неудачи и от этого не становятся счастливыми. А есть те, чья память хранит добрые поступки, хорошие дела. Наша память — это мы сами. Чем большего хорошего мы помним, тем лучше становимся. Но есть и другая память, которая передаётся через вещи. Во многих семьях хранятся предметы, оставшиеся от дедушек, бабушек, прадедушек и прабабушек.

Я хочу рассказать об удивительном предмете, который хранится в нашей семье, — это керосиновая лампа.

Сегодня, в век электричества и цифровых технологий потребность в ней отпала, но есть в это лампе что-то особенное, что заставляет меня относиться к ней бережно.

На полях сражений и в военных госпиталях керосиновая лампа становилась символом спасения для раненых. Санитары по ночам выходили из окопов и, освещая окрестности, искали тех, кому ещё можно было помочь.

Мои прабабушка и прадедушка держали эту лампу в своих руках. Получается, что она является хрупкой

связью с прошлым поколением, с историей. А ещё мне очень нравится свет керосиновой лампы. Он какой-то тёплый и близкий. Когда смотришь на него, то чувствуешь себя уютно и по-домашнему.

Моя лампа серебристого цвета. Снизу имеется горелка с регулятором пламени в виде маленького колёсика, от поворота которого зависит движение тканевого фитиля. Сверху стеклянный купол, который обеспечивает защиту пламени от ветра. Конечно, сегодня внешний вид керосиновой лампы изменился, но отношение — нет.

Огонёк лампы непрерывно меняет и яркость, и форму, создавая вокруг себя театр теней. Можно просто сидеть и любоваться. Смотреть на тёплый свет, на круглое пятно на потолке, напоминающее луну. И хотя прежних владельцев уже давно нет, но она напоминает мне о дорогих людях, каждый раз, когда я на неё смотрю.

Надеюсь, что и в будущем для моих детей и внуков эта лампа останется удивительным предметом, способным сохранить священную память о героическом прошлом моих предков.

Яна Чернышёва

*ученица 11 класса ОГКОУ «Школа-интернат № 2»,
г. Иваново*

ДЕТИ БЛОКАДЫ

Голод. Холодно. Блокада.
Я ребёнок Ленинграда.
Вечным кажется мне день,
Жизнь моя — мирская тень.

Мать лежит, вставать не может.
Вши впиваются ей в кожу.
Тело сильно отекло,
Почернело всё лицо.

Плохо мне, но нужно встать,
Хлеб по карточкам забрать.
Как дойти — пока не знаю,
Слёзы по щеке стекают.

Страшно выходить во двор,
Там горит соседский дом.
И зимой в нём вместо снега
Бомбы падают с неба,
Озаряя город мой
Окровавленной зарёй.

Я иду. Смотрю на Невский,
Кажется картина зверской.
Трупами застыла гладь,
Лечь бы с ними полежать.

Все срослись они с рекою,
Упокаясь над Невою.
Больше нет на них оков,
Спят они в блокаде льдов.

Хватит думать мне о вечном,
Мысли эти бесконечны.
Нужно в руки себя взять —
Дома ждёт спасенья мать.

Получил я хлеб с досадой.
Два кусочка. Что ж так мало?
Двести грамм уже паёк.
Как прожить ещё денёк?

И понёс домой я крохи.
Плохо слушаются ноги.
Но стараюсь я — иду.
Дома маму покормлю.

Я дошёл. Смотрю в ограду.
Дома нет. Руин громада.
Хлеб достал, начал жевать.
Мать решила свой отдать.

Что же делать мне? Скажите.
Я прошу вас — помогите.
Только много нас таких,
Кто остался без родных.

Пережил я дни Блокады.
Я ребёнок Ленинграда.
Засияло над Невой,
Небо Северной звездой.

Шла война. Солдат простой
Писал письмо себе домой.
О том, как сложно воевать,
Своих однополчан терять.

«От голода и пуль фашистских
В полях мы оставляли близких,
Родных, товарищей, друзей,
С кем были вместе столько дней!»

Ещё писал, как он скучает,
В семью вернуться он мечтает.
Обнять, прижать, поговорить,
Всё время вместе с ними быть.

Затем он горестно писал,
Как Севастополь защищал.
Как полк их весь был побратим,
Освобождая Крым.

Под Керчью ранен был он в ногу.
И продолжать не смог дорогу,
Но на защиту встать готов
Страны от вражеских оков!

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Глеб Еремеев

ВОЙНА ВОШЛА В МАЛЬЧИШЕСТВО МОЁ

Война хлебами шла из-за реки,
Оттуда,
Где закаты занимались,
Подолгу, помню, теплились штыки,
Пока солдаты в гору поднимались.
Они вошли в мальчишество моё
Сперва без дыма,
Крови
И тревоги,
А как заходят путники в жильё
Передохнуть,
Испить воды с дороги.
Попарно,
Кучками,
По одному
Солдаты не спеша к Москве пылили,
Порой у нас,
В окраинном дому,
Степенно,
Сняв пилотки,
Воду пили
И дальше, на восток, полями шли,

И все, казалось, были пожилые,
Хотя, наверно, попросту в пыли,
В обмотках серых,
Серые
И злые.
Как будто въяве
Вижу и теперь
Распахнутые настежь двери дома,
И как ложится на пол
Через дверь
Зари вечерней свежая солома,
И вижу мать у белого стола
В обнимку с чёрным чугуном картошки,
И двух солдат,
Которым подала
Моя сестрёнка
Расписные ложки.
Солдаты ели истово,
В запас,
А старший,
Рыжий,
С вислыми усами,
Рассказывал, давя бездонный бас,
И вдруг заплакал тихими слезами.
Сидел и плакал,
Тягостно,
В упор,
Не наклоняясь
И лица не пряча.
И я войну запомнил с этих пор
И до сих пор боюсь
Мужского плача.

БАЛЛАДА О ПЕРЕДОВОЙ

Между нашим домом
И войной
Только сада
Чёрные скелеты,
В золото листвы едва одеты,
Над речонкой иссиня-стальной...
Нами отданной, врагом не взятой,
Мёртвой зоной, но живой водой...
А в саду,
Под ёлкой молодой,
Корни ей солдат
Сечёт лопатой.
Справа,
Под укрытием ветвей
Тополя,
Другой зарылся в глину.
Третий же под горькую рябину
Подкопал окоп ещё правей.
И, журча
О мирном
И о прежнем,
Полноводней разве что ручья,
Речка непокорная ничья
Холодеет перед ними стрежнем.
А на спуске кустик бузины,
Словно часовой на карауле.
Он себя подставил
Каждой пуле

И не дожил
До конца войны.
А стрельба была
На истребление
Всякой жизни
В зоне артогня.
И неясно было для меня,
Как держалось это укрепление.
Я не понимал тогда
Войну
И не знал ещё,
Что эти трое
Да речонки
Лезвие стальное
Оградят меня,
Москву,
Страну.

ГОЛОС ВЕТРА

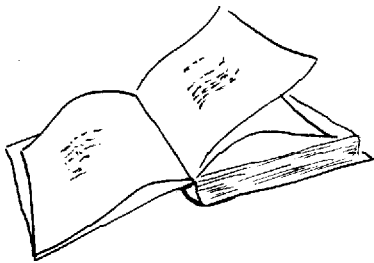
Завыванье ветровое
В остывающей трубе
Воскрешает
Снеговое,
Путевое,
Полевое,
Злое прошлое в судьбе.
В сорок первом,
Отступавшем,
Тяжко раненном году,
В белом поле,

Навзничь павшем,
Я впервой узнал беду —
Это детство фронтовое
Отступило
В том году.
Ветер бился в диком вое
На пожарище
В трубе,
Всё бывшее домовое,
Огневое,
Дымовое
Разметав по городьбе.
Беззащитность,
Бесприютность,
Под обстрелом долгий путь,
А потом
Другая трудность —
Приютиться где-нибудь.
Ты крылечко то кривое
Помни, сердце,
Не забудь.
В полустоне, полувое
Ветра зимнего в трубе
Мнится
Что-то роковое,
Словно прошлое живое
Плачет
О самом себе.
Нет,
Запас ещё не вылит
Слёз,
Отпущенных войне:

Если выстрел в грудь навylет,
Рану чувствуешь в спине,
И страданье тыловое
Тяжело,
Как на войне.
В полувсхлипе, в полувое
Ветра зимнего в трубе
Слышу,
Словно плачут двое —
Мать и я —
И в тёмной хвое
Фото вешают в избе.

ПАВЕЛ ШУБИН

1914 — 1950

Говорят, что, когда грохочут пушки, музы молчат. Но от первого до последнего дня Великой Отечественной войны не умолкал голос поэтов, и пушечная канонада не могла его заглушить. Творческое поколение, рождённое войной, поэты-фронтовики — это отдельное поколение, испытавшее на себе тяготы военного и послевоенного периода. Нам хорошо известны имена поэтов-фронтовиков — Константина Симонова, Бориса Слуцкого, Давида Самойлова и многих-многих других. Но есть и те, чьи имена незаслуженно преданы забвению, среди них — замечательный поэт Павел Шубин.

Даже если вы никогда не слышали его имени, вы наверняка слышали знаменитую «Волховскую застольную», песню, любимую всеми фронтовиками, от солдата до

генерала, и исполняемую до сих пор. Стихи для неё написал Павел Николаевич Шубин, пришедший в газету «Фронтальная правда» Волховского фронта уже известным поэтом. Эта песня стала гимном двух фронтов — Волховского и Ленинградского. «Она вызревала, сжигая сердце поэта, слагаясь по строчкам, по куплетам. И когда они в окончательной редакции 1943 года легли на бумагу, когда песня вышла „на люди“, она сразу засверкала в лучах славы, запелась миллионами, трогая душу народную своей искренностью и сердечностью. Эта песня — вечный памятник отваге и героизму солдат Волховского и Ленинградского фронтов» (из воспоминаний К. Дёмина, однополчанина Шубина по Волховскому фронту).

Став поистине народной, «Волховская застольная» пелась во множестве вариантов. Однажды в перерыве между боями на маленьком импровизированном литературном концерте Шубин читал свои стихи. Но когда он дошёл до строк «Редко, друзья, нам встречаться приходится», бойцы, до этого слушавшие не просто внимательно и уважительно, а вдохновенно и с упоением, удивлённо замерли. Общее настроение выразил пожилой старшина, который с укором и с досадой в голосе заявил: «Что ж вы, товарищ военкор, вместо того, чтобы только свои стихи читать, народные песни исполняете?» Шубин сперва растерялся, потом засмеялся, а потом стал серьёзным и душевно поблагодарил строгого слушателя: «То, что вы, товарищ старшина, мою песню за народную приняли, для меня — самая высшая награда!»

Павел Шубин — общепризнанный главный поэт Волховского фронта. И даже совсем не потому, что написал его гимн. И не только потому, что непосредственно участвовал в боях — и пуль не страшился, и передовой

не избегал, хотя на самый передний край боя военный корреспондент майор Павел Шубин мог и не ходить. Но нет — он пробивался с конным корпусом генерала Гусева «из-под Вишеры на Любань», находился в передовых частях, прорывавших блокаду Ленинграда, с атакующими частями вошёл в ещё горящий Новгород.

Командование старалось беречь поэта, но Павел Шубин не раз ходил в атаку вместе с солдатами. Однажды, давая объяснения генералу, почему он и фотокорреспондент пошли со стрелковой ротой в атаку, Павел Николаевич ответил: «Не могли же мы пойти назад, когда все пошли вперёд?»

Познакомившись с Шубиным, Дёмин был удивлён, насколько хорошо этот фронтовой поэт знает военное дело, да так, что если понадобится, он мог бы командовать ротой! С той поры они часто вместе выезжали на места боёв, в расположения воинских частей. Оперативность его как военкора была поразительной. Десятки, сотни стихов, корреспонденций, очерков, репортажей, сатирических частушек наряду с участием в военных операциях были вкладом Павла Шубина в Победу. Он первый, задолго до Н. Тихонова, воспел подвиг трёх бойцов, Герасименко, Красилова и Черемнова, закрывших своими телами вражеские дзоты у стен Новгорода (стихотворение «Трое»).

Для материалов своих корреспонденций Шубин исходил и изъездил самые крайние точки болотистого Волховского фронта. Был случай, когда, сам до предела уставший, Шубин четыре километра тащил на себе до госпиталя ослабевшего подполковника медслужбы. А потом ещё столько же километров по непролазной грязи шёл к армейскому телеграфу, чтобы передать в редакцию свежие материалы.

Вот таким был Павел Шубин — поэт, журналист, воин и человек.

Волховские фронтовики негласно избрали Павла Шубина своим главным поэтом за то, что он до самой глубины сумел постичь душу и воспел неимоверно тяжёлый ратный труд болотных солдат. Настоящий поэт—солдат, Шубин мог со знанием дела говорить от имени фронтового шофёра, разведчика, пехотинца. Ему было дано рассказать о солдате всё: не только как он делает свою работу, но и что он при этом чувствует. Раскрытие состояния души солдата в момент наивысшего, сверхчеловеческого напряжения — одна из самых сильных сторон фронтовой поэзии Шубина.

Волхов, Карелия, Заполярье, Норвегия, Маньчжурия — таков путь военкора, поэта Павла Шубина и героев его лирики. Но волховские рубежи, где возмужала его поэзия, где увидел он настоящую войну и разделил все её тяготы с рядовыми солдатами, навсегда остались у него отсчётной точкой на пути к Победе.

За участие в военных действиях Павел Шубин был награждён орденами Великой Отечественной войны II степени и Красной Звезды, а также медалями «За Отвагу», «За оборону Ленинграда», «За оборону Заполярья», «За победу над Японией». В его немногословной военной характеристике сказано: «Поэт Шубин — исключительно добросовестный и талантливый работник, исполнительный и смелый солдат».

Павел Николаевич Шубин родился 27 февраля 1914 года в селе Чернава Елецкого уезда Орловской губернии, ныне это Липецкая область, в семье мастерового. Он был младшим в семье, где было семь детей. Подростком в 1929 году уехал к сестре в Ленинград, работал слесарем на

заводе. В 16 лет отправился в Крым искать своего любимого писателя Александра Грина и показать ему свои стихи. Грин посоветовал ему получить хорошее образование. Следуя совету, Павел Шубин поступил на филологическое отделение Ленинградского пединститута им. Герцена, в 1939 окончил его и поселился в Москве. В 1938 году он женился на Елене Лунц, в браке родился сын.

До войны Павел Шубин успел выпустить два сборника стихов, которые критики встретили весьма благосклонно и пророчили поэту большое будущее.

Вернувшись с войны, он много занимался переводами, выпустил поэтический сборник «Солдаты» (1948). Стихотворение «Алёнушка», написанное поэтом в 1947 году, певец и композитор Александр Вертинский положил на музыку и включил его в свой постоянный репертуар.

Павел Шубин умер в 36 лет от сердечного приступа. Смерть, которая отступала от поэта на полях сражений, настигла его в мирной жизни.

ВОЛХОВСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

Редко, друзья, нам встречаться приходится,
Но уж когда довелось,
Вспомним, что было, и выпьем, как водится,
Как на Руси повелось!

Выпьем за тех, кто неделями долгими
В мёрзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладогe, дрался на Волхове,
Не отступал ни на шаг.

Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу!

Будут навеки в преданьях прославлены
Под пулемётной пургой
Наши штыки на высотах Синявина,
Наши полки подо Мгой.

Пусть вместе с нами семья ленинградская
Рядом сидит у стола.
Вспомним, как русская сила солдатская
Немца на Тихвин гнала!

Встанем и чокнемся кружками, стоя, мы —
Братство друзей боевых,
Выпьем за мужество павших героями,
Выпьем за встречу живых!

ПОЛМИГА

Нет, не до седин, не до славы
Я век свой хотел бы продлить,
Мне б только до той вон канавы
Полмига, полшага прожить;

Прижаться к земле и в лазури
Июльского ясного дня
Увидеть оскал амбразуры
И острые вспышки огня.

Мне б только вот эту гранату,
Злорадно поставив на взвод,
Всадить её, врезать, как надо,
В четырежды проклятый дзот,

Чтоб стало в нём пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву!
...Прожить бы мне эти полмига,
А там я сто лет проживу!

Я ДОЛЖЕН ВЕРНУТЬСЯ

Мы первого сна не успели ещё досмотреть
И в свадебном кубке искусанных губ не мочили,
Когда пошатнулся наш дом, как рудничная клеть,
И молнии врезались в камни, и нас разлучили.

И понял я вечность в ту ночь, когда мёртвый сосед,
Лицо запрокинувший в звёздное небо России,
Молчаньем своим указал мне твой призрачный след
От взорванных звонниц и стен новгородской Софии.

Ты вёсны любила, а я не сберёг их, прости!
Калёная вьюга нас встретила сразу за дверью,
Цветами железными выстланы наши пути,
Но я ещё крепче в живую любовь твою верю!

Как в лунные ночи черёмух настой серебрист,
Как реки степные на плёсах ленивы и плавны!
И вновь на земле золотых соловьёв пересвист,
И топот похода, и юная грусть Ярославны.

И ты ей сейчас по тревожному сердцу сестра,
Ведь нам только грезились тайные дальние дали,
В Купальскую ночь мы не жгли колдовского костра,
Над светлой рекой на заветных венках не гадали.

И столько на свете цветёт заповедных долин,
И столько у зорь красоты, не увиденной нами,
Что снова и снова, со смертью один на один,
Я, трижды убитый, тянусь к её горлу руками.

Я должен услышать последний клокочущий всхлип
И вольное небо увидеть далече-далече,
И в бархатных мальвах, и в белом кипении лип
Твой облик единственный,
взгляд твой, летящий навстречу.

Как хорошо, прижавшись тесно,
За столько лет вдвоём молчать:
Всё этой тишине известно,
На что не надо отвечать.

Мы выстояли в поединке,
Но с нами старые бои,
В них первые твои сединки
И шрамы первые мои.

И столько порознь дней тревожных
Пришлось нам с этим днём связать,
Что только сердцем сердцу можно
Об этом молча рассказать.

Словно чиркнули серной спичкой
По сухому аспиду туч.
Остромордой, рыжей лисичкой,
Русой, тоненькою косичкой
Промелькнул и угас тот луч.

Звёзды падают.
Тьмой грачиной
Заметают летучий след.
Звёзды падают. Без зачина,
Беспричинна моя кручина,
И конца ей, наверно, нет.

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Андрей Сунгуров

В КАМЕННОМ ВЕКЕ

Как трудно быть учеником!
Стою и чуть не плачу.
Я высекаю топором
Условие задачи:
...Два птеродактиля, плюс пять,
Плюс двести восемнадцать...
Их нелегко мне сосчитать,
Не хватит даже пальцев!

В пещере-классе ровный гул:
Зубрят всё, что забыто.
Мне друг шпаргалку протянул —
Кусочек сталактита.

— Опять не выучил урок?! —
Спросил учитель строго.
Из шкуры мамонта извлёк
Он бивень носорога,

И аккуратно в дневнике
Долбил полдня оценку.

Тигр саблезубый вдалеке
Нас ждал на переменку.

Я взял дневник, тетради взял —
Взвалил гранит на плечи.
Быстрее бы кто-нибудь создал
Учебники полегче!

ТАИНСТВЕННАЯ ПЛАНЕТА

На таинственной планете
Расшалились ночью дети,
Расшумелись, раскричались,
На качелях раскачались.
Опрокинули вулкан,
Расплескали океан,
А потом, когда устали,
Облака с небес достали,
Положили на кровати
И заснули сладко-сладко.

ПОМОЩНИК

У мамы моей всегда много дел,
Я маме подарок сделать хотел.
Заняться посудой на кухне решил.
Мыло нашел, но чуть-чуть поспешил:
Намокла рубашка,
Ручьи на пол льются,
Разбитая чашка,
С трещиной блюдец...

Мама вздохнула грустно, устало.
Мама моя ничего не сказала.
Она поняла: я помочь ей пытался,
Но поспешил, перестарался.
Теперь я спешить больше не буду,
Когда вдруг решу заняться посудой!

Ольга Насонова

ЛЁВКИН СЛОН

Мама Лёвку называла непослушником. Это потому, что он всё время хотел со двора удрать, за ворота, к большим мальчишкам. Во дворе-то что? Ничего интересного. Ветер пыль гоняет. Да ещё эта Эллочка соседская со своими куколками. Стол, стулья ставит, куколок рассаживает, играть зовет. Она, Эллочка — мама, а он, Лёвка — папа. И попробуй, откажись, сразу заревёт.

А большие мальчишки за воротами играют в клёк. Стоишь, целишься. В руке длинная палка. Приседаешь, руку отводишь назад, палку бросаешь. Стараешься в клёк попасть — чурочку деревянную, с кона её сбить, чтобы подальше улетела. Если сбил — несёшься изо всех сил за палкой своей. Надо успеть вернуться к черте, пока вада клёк на место не поставил. Если повезёт — вада не осалит, и сам добежишь, и других выручишь, кто до тебя клёк с кона сбить не смог, — они тоже за палками своими бегут. Но если вада по чурочке стукнет и крикнет «Клёк», значит всё — тебе водить... Очень игра интересная.

Ещё большие мальчишки слониху Нелли из городского зоосада на Волгу купаться провожают. Как только ус-

лышат, что она трубит, палки бросают и бегут к мосту через речку Царица.

Каждый день сторожа водят слониху к Волге. Летом в Сталинграде такая жара, что и слонам тяжело. Всех на реку тянет. Хочется забраться в прохладную воду и сидеть там по шейку, вяло шевелить ногами и руками. Сидеть до тех пор, пока губы не посинеют. Потом плескаться, с шумом, визгом разбрасывать вокруг блестящие брызги, бегать по воде у самой кромки берега.

Слониха Нелли родилась в стране Индии, в Сталинград её привезли на поезде. Про это Лёвке рассказал дедушка Франц Яковлевич. Он про слонов много знает. То, что у них хобот — это и рука, и нос, а когда они беспокоятся, то ушами машут.

Дедушка Франц Яковлевич берет Лёвку за руку, и они идут в зоосад. Вместе они смотрят тигров, леопардов, пингвинов. Есть в зоосаде лоси, олени, змеи и множество других зверей, но самые любимые — слоны. Их зовут Нелли, Шанго и Мимоза. Когда Лёвка возвращается домой, то сразу хватается за карандаш и в альбоме рисует. Дедушка не понимает, что Лёвка рисует, всё время спрашивает:

— Что это? А вон то что?

— Как же ты не видишь? — искренне удивляется Лёвка. — Это же слон. Вот хобот, а вот хвост.

— Нет, — говорит дедушка, — разве так бывает? У тебя хвост и хобот одинаковой длины. Это у тебя два хобота.

В следующий раз Лёвка уже более внимательный в зоосаде, смотрит, какой у слона хвост, а какой хобот.

Слониха Нелли очень довольна. Она любит купаться. Каждый день медленно и важно шагает Нелли по одной

и той же дороге на берег большой реки. Дорогу она хорошо знает, у слонов память отличная, и два сторожа-проводящих, которые всегда рядом идут, ей совсем не нужны. На полпути к воде Нелли каждый раз догоняет ватага шумных весёлых мальчишек. Они ей нравятся. Шустрые, как воробушки, то у одного бока вспорхнут, то у другого, то вперёд забегают, то назад возвратятся. Лишь один, самый маленький, всё время рядом топает, глаз с неё не сводит. Спотыкается, один раз даже шлёпнулся. Нелли подносит хобот к его шее и дует: «Не зевай, упадёшь!» Малыш на ходу втягивает шею в плечи, улыбается, ему щекотно. Мальчишки громко хохочут: «Нелли Лёвке в ухо фукнула!»

С наслаждением Нелли заходит в реку. Слоны прекрасно плавают, могут даже нырять и дышать через высунутый из воды хобот. Вода свежая, чистая. Иногда в ней плавают вкусные овощи, фрукты. Они упали с грузовых барж при перевозке. Однажды мальчишки поймали большой сладкий арбуз и тут же, на берегу его съели. Нелли тоже досталась пара кусочков.

Она долго барахтается в воде, переваливается с одного бока на другой, набирает в хобот воду, поливает себе спину. Мальчишки терпеливо ждут, знают, будет весёлая забава. Нелли ещё раз набирает воду и неожиданно брызгает прямо на них. Начинается шум, визг, крики. Так веселятся они каждый день. Напоследок долго прощаются, машут кто руками, кто хоботом: «До свидания, до завтра!», «Обязательно приходите!», «Обязательно придём!».

Сегодня воскресенье, день выходной, но только не у мальчишек. Игра в самом разгаре. Лёвкина мама дома,

строго за ним следит. Со двора ни-ни! Хорошо, что Элочки нигде не видно. Наверное, вместе с бабушкой в магазине, отоваривают карточки. Лёвка замер в воротах, смотрит на игру.

— Что стоишь, Лёвка? — кричат мальчишки. — Чурки собирай!

— Не могу, мамка заругает.

Вечером в Театре юного зрителя спектакль. «Кот в сапогах» называется. Лёвка его уже смотрел, но всё равно интересно. Они с мамой пойдут, и дедушка, и Элочка со своей бабушкой. Дедушка сказал, что это правильно, что спектакли показывают и кино, книги в библиотеках выдают, хоть и война: «Это назло фашистам, пусть не думают, что мы их боимся! А кто не боится, тот и победит!»

По радио ещё с утра объявили воздушную тревогу: «Говорит штаб противовоздушной обороны! Воздушная тревога, воздушная тревога!» Так теперь часто бывает. «У-у-у-у», — загудит сирена. Длинно, протяжно. После такого сигнала все люди должны в бомбоубежище спрятаться: в подвал дома или в специально вырытое укрытие во дворе — щель называется. Спрятаться там и сидеть, пока по радио не скажут: «Отбой воздушной тревоги».

Лёвка сирены не боится, хотя она и громкая. Когда гудеть начинает, ему сразу представляются слоны. Очень большие слоны. Они стоят с высоко поднятыми в небо хоботами и трубят все разом. Это не страшно, это удивительно.

Воздушные тревоги часто учебные. Они нужны для того, чтобы люди знали, что делать, если прилетят вражеские самолёты и станут бросать бомбы. Лёвка не

раз видел, как по улице провозили зенитные пушки. Пушки эти высоко в небо стреляют и сбивают летящие самолёты. Если самолёт сбить, тогда он бомбу сбросить не сможет.

— Лёвка! Вот я тебе, непослушник! — сердится мама.

Это он со двора вышел, стоит посреди улицы. Сам не заметил, как так вышло. Сильно теперь мама ругаться будет!

— Кричу, кричу тебе, а ты не слышишь! Смотри, что творится.

Мама показывает вверх, в небо. Издалека на них надвигается темная большая туча. Она все ближе, ближе и гудит: «Гу-у-у-у». Лёвка прищуривает один глаз, а ко второму приставляет сложенную трубочкой ладонь, так всегда дедушка делает, когда хочет что-то вдали увидеть. Туча делится на точки.

Мама не даёт досмотреть, хватает Лёвку за руку и тащит с собой. Они бегут в подвал дома.

В подвале у них комнатка. Там хранится всякая домашняя утварь, и стоят бочки с солёными огурцами, помидорами, мочёными яблоками. Ещё в начале лета мама снесла туда узел с одеждой, сухари и крупу для каши, бутыл с водой поставила. Лёвка рядом с пустой капустной кадкой себе местечко устроил. Там у него старый отцовский пиджак лежит, а под ним альбом и карандаши спрятаны. Отец ещё перед войной уехал в город Омск, хотел их с мамой к себе вызвать, да не вышло. Уехал в новом пиджаке, а старый оставил.

Только и успел Лёвка альбом с карандашами проверить: на месте ли? Хотел удобнее на пиджаке устроиться и порисовать, а сверху как бухнет что-то изо всех сил,

как загудит, загрохочет. Даже дом затрясся, двинулся. Лампочка под потолком погасла, мусор и труха сверху посыпались. «З-з-з», — зазвенело в ушах.

Лёвка присел, уши закрыл руками. «Бум-м-м!» Задрожало, задвигалось вокруг. «Бум-м-м». Стало трудно дышать, в носу защекотало. «Кхы-кхы-кхы», — покашлял Лёвка. Руки от ушей отнял, хотел из-за кадки выглянуть.

— Лёвка, Лёвка! — закричала вдалеке мама. — Где ты? Я тебя не вижу.

И снова: «Бум-м-м!»

— Горим!

— Вход завалило!

— Лёвка! — подбежала мама, на руки его взяла, как маленького.

В другой раз он возмутился бы, а сейчас ничего, голову на мамино плечо положил, закрыл глаза, как-то в них потемнело.

«Бум-м-м. З-з-з. Бум-м-м».

— Сюда, сюда идите, — крикнул дедушка, — здесь в слуховое окно пролезть можно! Выбираться надо, сгорим.

— Лёвка, руки вверх подними!

— Сюда давай!

Кто-то крепко схватил его за вытянутые руки, выдернул из окошка, на землю поставил. Лёвка повернул голову в одну сторону, в другую. Ничего не узнал, как будто не в своём дворе, а в новом месте оказался. В страшном месте. Огонь вокруг да чёрный дымище.

Один за другим полезли из окошка люди: мама, соседка тётя Маша со второго этажа, которая всё время угощала их вкусными пирожками с капустой, дедушка. Мама схватила Лёвку на руки, прижала к груди.

— В щель бежать надо! — прокричал дедушка. — Осколками засечёт!

Укрытие было переполнено, но ничего, потеснились, приняли их.

— К нам, к нам двигайтесь, здесь удобней будет, — слышался знакомый голос, — Лёвку давай!

Элочкина бабушка вытянула руки, взяла его.

— Ой, да что же это? Кровь? Он ранен! Мальчик ранен!

Посадила к себе на колени, голову Левке наклонила, стала смотреть.

— Ай-ай-ай! — засаднило у Лёвки.

— Ничего, ничего, солдатик, не плачь, до свадьбы заживёт, — стала успокаивать его бабушка, — просто царапина, рассекло самую малость. Сейчас ранку промоем, перевяжем. Элочка, золотко, дай-ка мою сумку, там бутылочка с марганцовкой разведённой и бинт.

Бомбили долго, основательно, будто хотели уничтожить город Сталинград, сделать так, чтобы его не было. Земля сотрясалась от бомбовых разрывов, воздух был пыльный и тяжелый, пахло гарью.

В щели Лёвка с мамой пробыли до самого утра. Спали прямо там, где сидели, где застала их эта недлинная летняя ночь, неожиданно очень холодная для 23 августа. Лёвку нарядили в тёплую девчачью кофту, взятую всё у той же запасливой Элочкиной бабушки. Голову забинтовали, в руку дали сухарь — грызи понемногу. Лёвка грыз, потом спал, когда проснулся, было утро.

От дома их две стены осталось и груда камней. Красивый был дом, старинный купеческий. Рядом огромная яма, это туда бомба упала.

Они шли по бывшей улице, мимо бывших домов, похожих на страшные скелеты. Старательно обходили ямы

и завалы, куски разогретого, как повидло, асфальта. Впереди шагал дедушка. Он нёс на руках Эллочку. Лёвка с мамой позади, а за ними брела, пошатываясь, бабушка.

Добрались, с большим трудом, до моста через речку Царица. Мост уцелел и теперь до отказа был заполнен людьми и машинами. Плотным тесным потоком двигались они в сторону волжской переправы. Люди шли сосредоточенно, молча.

— Тру-у-у, тру-у-у! — раздался вдруг впереди сильный гортанный звук.

Это кричал слон.

— Слон идёт, слон идёт! — пронеслось над толпой длинное негромкое эхо.

— Пропустите слона, пропустите слона!

Один за другим расступались люди, жались друг к другу, к перилам моста.

Навстречу им бежала и трубила слониха Нелли. Она была сильно напугана и, видимо, не понимала, что же такое случилось.

Битва за город Сталинград длилась двести дней и ночей с 17 июля 1942 по 2 февраля 1943 года. Город был почти полностью разбомблен. Более сорока тысяч мирных жителей погибли, более ста пятидесяти тысяч были ранены. Лёва и его мама остались в живых. Лёва, Лев Сергеевич Тырин, вырос и стал художником. Все звери Сталинградского зоопарка, в том числе слониха Нелли, погибли.

ЗЕЛЁНЫЕ БЕРЕТЫ

События, о которых рассказывает писатель Леонид Пантелеев, относятся к временам весьма отдалённым. После Гражданской войны в нашей стране царили голод и разруха. Тысячи детей остались без крова и без родителей. Для этих беспризорных ребят Советская власть открывала интернаты, школы, детские дома. Но у молодой республики рабочих и крестьян не хватало средств. Ведь заводы и фабрики не работали, деревня была разорена.

Л. Пантелеев в те годы тоже был беспризорным, он воспитывался в ленинградской школе-коммуне имени Достоевского, или в «Шкиде», как сокращённо называли эту школу её воспитанники. Обо всём этом можно узнать из самого рассказа. А ещё подробнее жизнь и приключения шкидцев описаны в повести Григория Белых и Леонида Пантелеева «Республика Шкид».

Я никогда не был пионером, хотя по возрасту вполне мог не один год, а даже несколько лет носить красный галстук. И мало того, что я сам не состоял в пионерской организации, какое-то время я считал всех юных пионеров своими смертельными врагами.

Вот как это получилось.

В то лето Шкида почему-то не поехала на дачу. Всё лето мы томились в городе. Помню знойный июньский день, послеобеденный час, когда все окна во всех классах и спальнях настежь распахнуты и всё-таки в помещениях нечем дышать. Озверелые от жары шкидцы, те,

что за «хорошее» поведение оставлены без отпусков и прогулок, слоняются из комнаты в комнату, пытаются читать, лениво перекидываются в карты и на чём свет стоит ругают халдеев*, по чьей милости они сидят в этот душный солнечный день взаперти.

Эх, хоть бы дождь пошёл, хоть бы гром загремел, что ли!..

И вдруг — что такое? Кажется, и в самом деле гром? Нет, это не гром! Но за окнами что-то рокочет, погромы-хивает, приближается... Пойдите, братцы, да это же барабан!.. Барабанная дробь! Откуда? Что? Почему?

И тут мы слышим в соседней комнате, в столовой, чей-то ликующий голос:

— Ребята! Ребята! Зекайте!** Бойскауты идут!

Мы кинулись к окнам. Облепили подоконники.

По Петергофскому проспекту — от Обводного канала к Фонтанке — не очень чётким строевым шагом двигались под барабанную дробь человек тридцать мальчиков и девочек в белых рубашках, в синих коротких штанах и юбках и с красными галстуками на шее. Под мышками они держали (как держат охотники ружья — дулом вниз) «посохи» — длинные круглые палки, с какими ещё недавно по петроградским улицам разгуливали бойскауты. Только начальник этих ребят, длинноногий парень с бритой наголо головой, был без посоха, да маленький барабанщик, шагавший впереди всех, да знаменосец,

**Халдеи* — семитские племена, обитавшие на юге Месопотамии, в области устьев рек Тигра и Евфрата на северо-западном берегу Персидского залива с конца X по IV век до н. э. Так воспитанники Шкид называли школьных воспитателей.

***Зека́ть* — «смотреть» на жаргоне беспризорников.

выступавший за ним следом. На красном бархатном полотнище знамени мы разглядели слова: Завода «Красная Бавария».

Конечно, любоваться этим зрелищем молча шкидцы не могли. Не успел барабан приблизиться к нашим окнам, как кто-то из старшеклассников оглушительно свистнул. Из соседнего окна закричали:

— Дю!..

— Дю! Дю! — подхватили на всех шести подоконниках.

Белые рубахи продолжали свой мерный шаг, только маленький барабанщик, оглушённый разбойничьим свистом, вздрогнул, споткнулся и испуганно взглянул на наши окна.

— Эй, ты! Отставной козы барабанщик! — загоготали шкидцы. — Гляди, бубен свой потеряешь!

— Эй вы, голоногие!

— Гогочки!

— Голоштанники!

— Бойскауты недорезанные!..

Но тут за спиной у себя мы услышали гневный окрик:

— Это что за безобразие?! Сию же минуту вон с подоконников!

В дверях класса, грозно поблескивая стёклами пенсне, стоял Викниксор*. Однако на этот раз ни этот блеск, ни сердитый голос нашего президента не произвели на нас сильного впечатления.

— Виктор Николаевич! — позвал Янкель. — Идите сюда, посмотрите! Бойскауты идут!

**Викниксор* — так ученики прозвали Виктора Николаевича Сорокина, руководителя и основателя школы имени Достоевского (ШКИД).

Недоверчиво усмехнувшись, Викниксор подошёл, ребята посторонились, и он, наклонившись, выглянул на улицу.

— Полно вам, какие это бойскауты! — сказал он. — Это не скауты, это юные пионеры.

Для многих из нас это было совсем новое, неслыханное слово.

Барабан стучал всё тише и глуше, отряд голоногих приближался уже, вероятно, к Калинкину мосту, а мы обступили Викниксора и наперебой расспрашивали его: что это за новость такая — юные пионеры?

— Юные пионеры — это недавно созданная детская коммунистическая организация, — говорил Викниксор. — Пионер — это значит: следопыт, первооткрыватель, разведчик... Если вы не забыли Фенимора Купера, объяснять вам не надо...

Нет, мы, конечно, не забыли Фенимора Купера. Но Купер тут был ни при чём. И бойскауты тоже. Мы поняли, что эти ребята, над которыми мы только что так дико смеялись и вслед которым так неистово улюлюкали, — наши, советские ребята. Стало ли нам стыдно, не скажу, но помню только, что нам самим страшно захотелось повязаться галстуками и с палками в руках пройти по улицам.

И вот за ужином, когда, набив животы пшённой кашей, мы допивали жиденькое, без молока и без сахара какао, встал Колька Цыган и попросил слова.

— Виктор Николаевич, — сказал он, — а нельзя ли и у нас тоже организовать отряд юных пионеров?

Викниксор нахмурился и зашагал по столовой.

— Нет, ребята, — сказал он после паузы, — у нас нельзя.

— Почему?

— А потому, что школа у нас, как вы знаете, тюремного или, точнее сказать, полутюремного типа...

— Ага!.. Понятно! Рылом не вышли! — крикнул кто-то за столом четвёртого отделения.

Викниксор повернулся и поискал глазами виновного.

— Еонин, выйди из столовой, — сказал он.

— За что? — взъерепенился Япончик.

— Выйди из столовой, — повторил Викниксор.

— За что, я спрашиваю!

— За грубость.

— За какую грубость?! Я же, Виктор Николаевич, не про вас сказал «рылом не вышли». Это не вы, это мы рылом не вышли.

— Еонин, имеешь замечание в «Летописи», — так же невозмутимо объявил завшколой и, обращаясь к воспитанникам, продолжал: — Нет, ребята, как я уже объяснил вам, мы, к сожалению, не имеем права основать у себя в школе ни комсомольскую организацию, ни пионерскую...

На эту тему, как, впрочем, и на всякую другую, Викниксор мог говорить часами. Он долго растолковывал нам, почему мы, бывшие правонарушители, беспризорники, хулиганы, поджигатели и бродяги, не имеем права состоять даже в детской политической организации. Но мы не слушали Викниксора. Нам было неинтересно.

«Ладно, — думали мы. — Чего там. Нельзя так нельзя — не привыкать. Мало ли чего не разрешено делать нам, трудновоспитуемым шкетам. Жили без галстуков, проживём без них и дальше...»

Все мы быстро успокоились, и только Японец, которому и в самом деле вклеили замечание в «Летопись»,

ещё больше озлился и на халдеев, и на пионеров. Стоило ему теперь увидеть из окна или на прогулке парнишку с красным галстуком, как Японец терял остатки самообладания и накидывался на юного пионера со всем пылом, на какой только был способен. Врать не буду — часто и мы не отставали от нашего товарища. Может быть, тут играла роль зависть, то, что мы «рылом не вышли», а может быть, просто мы были в то время сорванцами, которые только и ждут случая, чтобы затеять драку или перебранку.

Однажды в воскресенье мы отправились всей школой на прогулку в Екатерингоф. Не знаю, что там сейчас, а в наше время это был довольно большой и довольно паршивый, грязный и запущенный парк. Через парк протекала речонка Екатерингофка, а подальше было что-то вроде увеселительного сада с маленьким ресторанчиком и с дощатой эстрадой, где по вечерам выступали борцы, куплетисты, фокусники и жонглёры. Днём эстрада не работала, сад был открыт для всех желающих, и мы, помню, всегда устремлялись в первую очередь именно туда, потому что в саду, на его посыпанных жёлтым песочком дорожках, в любое время дня и ночи можно было разжиться приличным окурком.

Но на этот раз нас ожидало в саду нечто куда более интересное, чем недокурные нэпманские «Сафо» и «Зефир Э 6». Неподалеку от входа, под открытым небом, за столиком буфета сидел и пил пиво могучего сложения усатый человек в просторном чесучовом костюме. Увидев этого богатыря, мы замерли. Кому из нас не приходилось видеть его — если не в кино, не в цирке и не на эстраде, то хотя бы на афишах и фотографиях! Да, сомнений не было: перед нами сидел «русский бо-

гатырь» Иван Поддубный, чемпион России по борьбе и поднятию тяжестей.

Окружив столик, мы застыли в благоговейном молчании. А он не смотрел на нас — привык, вероятно, к тому, что на него постоянно глазают, — отхлебывал из кружки пиво и лениво заедал его мочёным горохом.

Помню, мы обратили внимание, что железный стул, на котором сидел Поддубный, дюйма на четыре ушёл в песок и продолжает туда погружаться.

— Весь уйдёт, — прошептал одноглазый Мамочка.

— Не... весь не уйдёт, — так же шепотом ответил Купец.

Завязывалось интересное пари. Но состояться ему было не суждено. Именно в эту минуту мы услышали у себя за спиной душераздирающий вопль, оглянулись и увидели первоклассника Якушку, который со всех ног мчался от садовой калитки по направлению к нам. Он бежал, нелепо размахивая руками, и тоненьким голосом кричал:

— Ребята! Ребята! Скорей! Бегите! Пионеры Япончика бьют!..

Мы ахнули, переглянулись и, забыв Ивана Поддубного, с диким боевым кличем кинулись туда, куда указывал нам путь маленький Яковлев.

Он привёл нас на берег Екатерингофки. И мы увидели такое, что заставило нас заскрипеть зубами.

Тщедушный Япончик катался по траве в обнимку с таким же тщедушным пареньком в пионерской форме, а несколько других пионеров кидались к нему, пытаясь оттащить его или ударить. Нам некогда было рассматривать, что там происходит, кто прав и кто виноват.

Раздался трубный голос Купца:

— Сволочи! Наших бить?!

И, зарывав, мы ринулись на выручку Японца.

Позже мы узнали, как было дело. Придя вместе со всеми в Екатерингоф, Японец в сад не пошёл, а свернул в сторону и направился в свои любимые места — на берег речушки, где под сенью серебристой разлапистой ивы, среди пыльных лопухов и облетелых одуванчиков, так славно всегда мечталось и думалось. За поясом у Японца были припрятаны книга и тетрадка, он рассчитывал посидеть, почитать, посочинять стихи... И вдруг он приходит и видит, что на его месте, у той самой плакучей ивы, где он столько раз сидел и мечтал, стоит, вытянувшись как солдат и приставив к ноге посох, какой-то карапет с пионерским галстуком.

Япошка остановился и вперил в пионера гневный гипнотический взгляд. Это не подействовало, тот продолжал стоять как истукан.

Тогда Японец спросил, что ему здесь надо.

Пионер не только не ответил, но и бровью не повёл. Потом-то выяснилось, что у них тут происходила какая-то военная игра и этот парень стоял на часах, а часовому, как известно, разговаривать с посторонними не полагается. Но Японец знать этого не мог. В первую минуту он опешил, потом рассвирепел, а потом, увидев, что перед ним стоит не человек, а статуя, осмелел и стал задевать пионера. После он клялся нам, будто не трогал этого парня, а только «словесно пикировал» его. Но мы-то хорошо знали остроту Япошкиного языка и понимали, каково было пионеру от этой пикировки.

Одним словом, дело кончилось тем, что пионер слушал-слушал, терпел-терпел и наконец не вытерпел, оглянулся и без лишних слов хрястнул Японца своим посохом по шее.

Японец не отличался ни силой, ни храбростью, драться не умел и не любил, но тут то ли пионерский посох оказался чересчур крепким, то ли противник выглядел не таким уж страшным, только Японец не стал раздумывать, кинулся на маленького часового, сбил его с ног и стал дубасить своими жиденькими кулачками. Пионер по мере сил отвечал на удары. До последней минуты этот мужественный человек помнил, по-видимому, что он часовой, и дрался молча. Но когда Японец подобрался к его шее и стал душить его, часовой не выдержал, поднял голову и стал звать на помощь. Примчались другие пионеры, кинулись их разнимать. На шум прибежал гулявший поблизости Якушка. Через минуту появились мы.

Не знаю, чем бы всё кончилось и какие размеры приняло бы это екатерингофское побоище, если бы на горизонте не возник длинноногий пионерский вожак. Мы услышали трель его футбольного свистка и тут же увидели, как он мчится к реке на своих длинных, как у страуса, ногах.

— Ша! Ша! — кричал он, размахивая длинными руками. — Ребята, ша! Что тут происходит? Ша, я говорю!!

Пионеры оторвались от нападающих шкидцев, сбились в кучу.

— Костя, Костя, мы не виноваты! — загорланили они наперебой. — Это приютские на нас напали...

— Что-о-о? — закричал он и повернулся, не к нам, а к своим пионерам. — Какие еще «приютские»? Что за выражение — «приютские»? Вы что, где — при капитализме живете?.. А ну, ребята, отсекайте, — повернулся он к нам. — Живо!.. Кому я сказал? Чтобы ноги вашей здесь не было...

Мы поняли его и почему-то беспрекословно послушались: повернулись и зашагали прочь.

И тут мы увидели нашу воспитательницу Эланлюм. Из-за кустов выглядывало её красное, распаренное и разгневанное лицо. Как выяснилось, она всё или почти всё видела.

— Хороши! — сказала она, когда мы приблизились к кустам. — Нечего сказать, хороши! Фу! Стыд! Позор! Несмываемый позор на весь район! Разве с вами можно ходить в публичные места? С вами только на необитаемый остров можно ходить!

И, приказав нам построиться, Эланлюм объявила:

— А ну, быстро в школу! Обо всём будет доложено Виктору Николаевичу.

Мало того что мы должны были раньше времени прервать прогулку, не собрав ни одного окурка, не доглядев Поддубного и не насладившись другими прелестями Екатерингофа, нам ещё, оказывается, грозил крупный разговор с Викниксором.

Всю дорогу мы ворчали на Японца. А он виновато усмехался, шмыгал носом и дрожащим от волнения голосом пытался объяснить нам, что он не виноват, что он только «словесно пикировал», а драться и не думал с этим голоногим...

Не знаю, что случилось: то ли Эланлюм не доложила всё-таки заведующему о драке, то ли Викниксор из каких-то высших педагогических соображений решил не давать этому делу дальнейшего хода, только крупный разговор между нами так и не состоялся.

Зато состоялся другой разговор. После ужина Японец разыскал Пантелеева и Янкеля. Уединившись в верхней уборной, сламщики посиживали там и курили на двоих один чинарик.

— Ребята, — обратился к ним Японец каким-то необыкновенным, торжественным голосом, — у меня к вам серьёзный разговор.

— Вали, — ответил несколько удивлённый Янкель.

— Нет, только не здесь.

— А что? Тайна?

— Да. Разговор конфиденциальный. Давайте в Белый зал, там, кажется, сейчас никого нет.

Заинтригованные сламщики* сделали по последней затяжке, заплевали окурки и спустились вслед за Японцем вниз. В дверях Белого зала Японец оглянулся и сказал:

— Только предупреждаю: не трепаться.

В самом дальнем углу зала он ещё раз оглянулся, посмотрел даже для чего-то на потолок и только после всех этих мер предосторожности сказал:

— Вот какая у меня идея! Я много думал и пришёл к такому решению: если мы не имеем права легально организовать у себя комсомольскую или пионерскую ячейку, значит...

— Значит? — насторожился Янкель.

— Самая элементарная логика подсказывает, что, если нельзя легальную, значит, нам остаётся основать нелегальную.

— Что — нелегальную? — не понял Пантелеев.

— Нелегальную организацию.

— Какую организацию?

— Юношескую... коммунистическую...

Шкидцы переглянулись. Хмыкнули. Улыбнулись. Идея явно понравилась.

*Сламщики — «друзья» на жаргоне беспризорников.

— А нам по шапке не дадут? — сказал, подумав, Янкель.

— А у тебя что, такая уж роскошная шапка? От нас зависит, чтобы организация была хорошо законспирирована...

При таких обстоятельствах родился Юнком, подпольная организация Юных коммунаров. Это событие давно уже вошло в историю республики Шкид, о нём поведано миру на других страницах, и повторяться я не буду.

Напомню только, что при вступлении в организацию каждый новый член должен был давать клятву, обязываясь молчать и не выдавать товарищей. Принимали в организацию не всех. Прежде чем быть принятым, нужно было пройти серьёзное испытание.

Несколько раз в неделю собирались юнкомовцы: где-нибудь в развалинах старого флигеля или в заброшенной швейцарской под парадной лестницей и при жидком свете свечного огарка вели конспиративные занятия. В подпольных кружках мы изучали историю Коммунистической партии и международного революционного движения. Изучали историю комсомола. Начали даже изучать политическую экономию.

Лекции нам читал самый начитанный из нас — Жорка Японец, и, говоря по правде, часто мы слушали его гораздо внимательнее, чем некоторых наших педагогов.

Мы были счастливы. Мы ходили по земле, преисполненные гордости от сознания, что за плечами у нас — страшная, волнующая тайна.

Когда под окнами нашего класса проходил теперь под барабанную дробь пионерский отряд с завода «Красная Бавария» или с «Путиловца», мы не свистели, не смеялись, не улюлюкали. Мы молча сверху вниз (и не толь-

ко потому, что смотрели из окон, а они шагали по улице) взирали на них, переглядывались и снисходительно ухмылялись.

«Топайте, топайте, братишечки, — думали мы. — Наводите, пожалуйста, сколько угодно фасона вашими галстуками и палочками. У вас, милые детки, это всё игра, забава, а у нас...»

«Эх, знали бы они!» — думали мы. И, по правде сказать, нам очень хотелось, чтобы они знали. Но пионеры, конечно, до поры до времени знать ничего не могли, хотя, как выяснилось потом, очень хорошо помнили о нашем существовании.

А выяснилось это таким образом. Однажды вечером несколько старшеклассников — Янкель, Купец, Пантелеев и Мамочка, — получив разрешение дежурного воспитателя, отправились в кино. Не успела эта четвёрка выйти на улицу и не успел дворник Мефтахудын закрыть за ними железные ворота, как с противоположной стороны Курляндской улицы ребят окликнули:

— Эй, достоевские!

Навстречу шкидцам шли два паренька и одна девочка в пионерских галстуках. Шкидцы переглянулись и нерешительно двинулись им навстречу.

На середине мостовой те и другие сошлись.

— Мы к вам, — сказала девчонка.

— Мерси! Бонжур! Силь ву пле, — ответил Янкель, галантно раскланиваясь и шаркая босой ногой.

— Чем мы заслужили такую честь? — пробасил Купец, тоже делая какой-то мушкетёрский жест.

— Ладно, бросьте трепаться, — сказала пионерка. Она была чуть постарше и чуть повыше своих спутников. —

Мы пришли по делу, — сказала она. — Только к вам очень трудно попасть. Стоим уж минут сорок.

— У вас всё равно как... — начал один из пионеров, самый маленький, с белобрысым хохолком.

Но девчонка так ловко и так сильно пырнула его в бок, что он ёкнул и осёкся. Мы поняли, о чём хотел сказать белобрысый: будто у нас как в тюрьме.

— Да, вы правы, сэр, — повернулся к нему Янкель. — К нам попасть нелегко. У нас привилегированное закрытое учебное заведение. Вроде Кембриджа или Оксфорда. Слыхали о таких?

— Ребята, мы к вам не шутки шутить пришли, а по делу, — сердито сказала девчонка. — Вы можете говорить по-человечески?

— О миледи, сделайте одолжение! — воскликнул Янкель.

— Тогда слушайте! Мы хотим взять над вами шефство и помочь вам организовать в вашем интернате пионерскую дружину.

Трепливое настроение сразу оставило шкидцев.

— Шефство? — переспросил Янкель, поскрёбывая в затылке. — Гм. Да. Это интересно. Но, между прочим, у нас уже есть шефы — Торговый порт.

— Да? А пионеры? Почему же вам шефы не помогли организовать пионерскую дружину? Мы лично вам с удовольствием поможем.

Что мы могли сказать этой девчонке? Что мы не имеем права состоять в детской политической организации? Что мы — малолетние преступники? Что у нас детдом с полутюремным режимом?

И тут нас выручил Мамочка. Вообще-то он, конечно, совершил преступление. Он нарушил или вот-вот готов был нарушить клятву.

— Спасибо, цыпочка! — пропищал он, игриво подмигивая пионерке своим единственным глазом. — Спасибо... У нас уже есть.

Шкидцы похолодели. Все взгляды устремились на Мамочку.

— Что у вас есть? — не поняла пионерка.

— Что надо, то и есть, — так же кокетливо ответил Мамочка.

— Пионерская организация? Дружина?

Мамочка метнул растерянный взгляд на товарищей. Но сейчас на него смотрели не товарищи, а три хищных зверя.

— Я спрашиваю: у вас что — пионерская организация есть?

— Ага, — с трудом выдавил из себя Мамочка. — Вроде.

Шкидцы заволновались.

— Ребята, пошли, опаздываем, — сказал Янкель.

И, помахав пионерам рукой, он первый зашагал в сторону Петергофского проспекта.

За углом шкидцы остановились. Купец грозно откашлялся.

— Ну, Мамочка, — сказал он после зловещей паузы, — имеешь.

— За что? — пролепетал Мамочка. — Я же ничего не сказал. Я только сказал «вроде»...

Обсудив на ходу этот вопрос, мы решили, что Мамочка заслужил пощаду. Ведь, в конце концов, он и в самом деле спас нас, выручил из очень трудного положения. А кроме того, мы очень спешили в кино. И посоветовавшись, мы решили проявить на этот раз снисхождение и простили Мамочку.

А дня через два наша подпольная организация самым глупым образом провалилась. Дворник Мефтахудын, обходя поздно вечером школьную территорию, заметил в развалинах флигеля бледный дрожащий огонёк, услышал доносившиеся из-под лестницы глухие голоса и, решив, что в развалинах ночуют бандиты, со всех ног кинулся за помощью к Викниксору.

Таким образом вся наша маленькая организация была захвачена на месте. Ни одному подпольщику не удалось скрыться.

Мы ждали жестокой расправы. Но расправы не последовало. Тщательно обдумав этот вопрос и обсудив его на педагогическом совете, Викниксор разрешил нашей организации легальное существование.

И вот наш Юнком из тёмного подполья вышел на солнечный свет...

Мы получили помещение — комнату, где находился раньше школьный музей. У нас появилась своя газета. Число членов Юнкома стало расти. Были утверждены новый устав и новая программа. Был избран центральный комитет. Открылась юнкомовская читальня.

Единственное, чего мы не имели, — это формы. Даже галстуков или значков каких-нибудь у нас не было.

Но вот как-то вечером, когда мы кончали ужинать, в столовую бодрым и даже молодцеватым шагом вошёл Викниксор. Уже по одному виду его можно было догадаться, что он собирается сообщить нам нечто весьма приятное.

Так оно и оказалось. Походив по столовой и потрогав несколько раз мочку уха, Викниксор остановился, внушительно кашлянул и торжественно объявил:

— Ребята! Могу вас порадовать. Мне удалось раздобыть для вас через губернский отдел народного образования двадцать пар брюк и почти столько же беретов.

— Каких?

— Куда?

— В кино?

— В какое? — загалдели шкидцы.

— Не билетов, а беретов, — с благодушной улыбкой поправил нас Викниксор. — Бархатных беретов с ленточками... И главное — представьте себе! — оказалось, что эти ленточки наших национальных цветов!

Мы дружно закричали «ура», хотя далеко не все поняли, о каких ленточках и о каких национальных цветах говорит наш президент.

— Виктор Николаевич, — сказал, поднимаясь, Янкель, — а какие это наши национальные цвета?

— Эх, Черных, Черных, как тебе не совестно, братец! — добродушно ухмыльнулся Викниксор. — Неужели ты не знаешь своего национального флага? Цвета подсолнуха: чёрный и оранжевый!

Мы были заинтригованы. Поднялся невероятный галдеж. Шкидцы в один голос требовали, чтобы им показали эти береты с национальными ленточками цвета подсолнуха.

Улыбаясь, Викниксор поднял руку.

— Хорошо, — сказал он. — Дежурный, поднимись, пожалуйста, наверх и попроси у кастелянши от моего имени один берет.

Через две минуты дежурный вернулся, и мы получили возможность воочию лицезреть этот оригинальный головной убор. Тёмно-зелёный бархатный или плюшевый берет с мохнатым помпончиком на макушке был

действительно украшен сбоку двумя короткими георгиевскими ленточками.

Шкидцы молча и даже с некоторым страхом разглядывали и ощупывали это удивительное произведение швейного искусства, неизвестно как и откуда попавшее на склад губнароба*. После того как берет побывал на всех четырёх столах и снова очутился в руках Викниксора, тот сказал:

— Таких беретов мне удалось, к сожалению, получить только семнадцать штук. На всех, увы, не хватит. Я прикинул, каким образом распределить их между вами, и пришёл к такому решению... Право носить береты мы предоставим лучшим из лучших, нашим передовым, нашему авангарду — членам Юнкома.

На этот раз никто не кричал «ура», даже юнкомовцы почему-то молчали, и никто не смотрел на них с завистью. Только какой-то новичок из второго отделения, обиженный на Викниксора, крикнул:

— А мы что, рыжие?

— Нет, Петраков, — ласково сказал Викниксор, — ты не рыжий. Но ты ещё не заслужил чести состоять в организации Юных коммунаров. Добивайся этого, и в один прекрасный день ты тоже получишь право носить форму.

Это слово заставило многих из нас вздрогнуть и насторожиться.

— Виктор Николаевич, — поднялся над столом Купец, — а что, разве это обязательно?..

— Что обязательно?

— Носить эти беретики?

**Губнароб* – губернский отдел народного образования.

— Да, Оффенбах... разумеется, как и всякую другую форму.

Мы ясно представили себе Купца в этом детском головном уборчике с розовым помпоном на макушке, и нам стало не по себе. У многих из нас появились дурные предчувствия. И предчувствия эти, увы, очень скоро оправдались.

В тот же вечер Купец подошёл к Янкелю и Японцу, обсуждавшим очередной номер юнкомовской газеты, и сказал:

— Вот что, робя... Вычеркивайте меня.

— Откуда? Что? Почему?

— Из Юнкома. Я выхожу, выписываюсь...

Напрасно мы уговаривали его: решение его было непоколебимо. Купец навсегда был утрачен для нашей организации.

Остальные держались более или менее стойко.

Я говорю «более или менее», потому что ходить по улицам в этих гамлетовских головных уборах и в самом деле требовало немалой стойкости и геройства. Особенно если учесть, что ситцевые брюки, которые раздобыл для нас Викниксор, оказались самых фантастических расцветок: голубые, светло-зелёные, канареечно-жёлтые...

Куда там пионерам с их короткими штанами и кумачовыми галстуками! К пионерам в городе скоро привыкли. Одни смотрели на них с гордостью и любовью, другие — с затаённой ненавистью. Что касается юнкомовцев, то к их форме население Петрограда привыкнуть не могло. Не было случая, чтобы человек шёл по улице и, повстречавшись с юнкомовцем, не вздрогнул, не оглянулся и не сказал ему вслед что-нибудь вроде: «Эва как вырядился, дурак!» или: «Ну и чучело с помпончиком!...»

Когда мы шли строем, было ещё туда-сюда — в строю мы были солдатами, мы чувствовали локоть соседа, идти же в одиночку было нестерпимой пыткой.

И не все эту пытку выдерживали.

Не выдержал её, между прочим, и одноглазый Мамочка. Вот что случилось однажды в субботний вечер.

Три шкидца, три юнкомовца, три члена центрального комитета — Янкель, Японец и Пантелеев, — получив отпускные свидетельства, бодро и весело шагали по Петергофскому проспекту в сторону центра. Несколько опередив их, на другой стороне улицы шёл Мамочка. Шёл он тоже довольно быстро и тоже был в юнкомовском берете, но берет ему попался, как назло, очень большой, плоский, так что щупленький Мамочка был похож издали на какую-то сыроежку или поганку. Кто-то из юнкомовцев увидел его, ребята посмеялись, поострили немножко на Мамочкин счёт и снова увлеклись беседой. Но тут Янкель, бросив рассеянный взгляд на противоположный тротуар, вдруг остановился и воскликнул:

— Ребята, постойте, а где же Мамочка?

Только что Мамочка был, и его не стало. Не было его ни впереди, ни сзади, ни слева, ни справа. Среди бела дня человек растворился, провалился сквозь землю, превратился в невидимку.

С разинутыми ртами шкидцы стояли на краю тротуара и смотрели. И тут их разинутые рты ещё больше округлились. Ребята увидели Мамочку. Он вышел из какого-то подъезда, воровато оглянулся и быстро зашагал, почти побежал к трамвайной остановке. На стриженной под машинку Мамочкиной голове чернел узелок всегдашней его повязки. Берета на голове не было. Он явно перекидывал или в карман, или за пазуху.

Юнкомовцы мрачно переглянулись.

— Хорош гусь! — сквозь зубы проговорил Японец.

— Ах ты, ренегат паршивый! — воскликнул Янкель.

Не сговариваясь, юнкомовцы ринулись за своим слабохарактерным товарищем, но он, словно ожидая или предчувствуя погоню, прибавил шагу, и не успели шкидцы окликнуть его, как Мамочка вскочил на колбасу* только что тронувшегося трамвая и был таков.

Откровенно говоря, мы не имели права слишком строго судить его. В душе каждый из нас хорошо понимал Мамочку. Но мы были руководители, вожди, и мы не вправе были прощать трусость и малодушие.

— Судить! — воскликнул Янкель.

— Исключить! — изрек Японец.

Третьему оставалось требовать разве что гильотины или расстрела.

Во всяком случае, в понедельник утром, по возвращении из отпуска, Мамочку ожидали весьма малопривлекательные вещи. Но в понедельник Мамочка в Шкиде не появился. Не вернулся он и во вторник. А в среду после обеда Викниксору позвонили по телефону из районного отделения милиции и сообщили, что его воспитанник Фёдоров Константин находится на излечении в хирургическом отделении Александровской городской больницы.

Взяв с собой двух старшеклассников, Викниксор сразу же поехал в больницу.

**Трамвайная колбаса* — на старых трамвайных вагонах — рукав (шланг) воздушной магистрали пневматического тормоза. Сзади последнего вагона свободный конец рукава закреплялся, отчего изогнутый полукругом рукав приобретал сходство с кольцом колбасы.

Мамочка лежал без сознания. Против обыкновения, повязка на его голове была не чёрная, а белая. Остренький Мамочкин носик ещё больше заострился, губы запеклись.

У Мамочкиной постели сидел и писал что-то в блокноте работник милиции. Из-под белого халата выглядывали чёрная кожаная тужурка и деревянная кобура маузера.

Когда мы узнали, что в субботу вечером Мамочку, избитого до бесчувствия, привезли в больницу с Покровского рынка, нам стало не по себе. За что могли избить на рынке тринадцатилетнего приютского парня? По опыту мы знали, что только за воровство. Недаром в те годы окрестная шпана распевала песню:

На Английском у Покровки
Стоят бабы, две торговки,
И ругают напропад
Достоевских всех ребят...

Да, немало соблазнов таил в себе в те годы рынок, и немало было случаев, когда шкидцы, особенно новички, попадались на таких некрасивых занятиях, как бесплатное угощение орехами, яблоками, конфетами и т.п. Но — юнкомовец?! Авангард школы...

— Нет-нет, — успокоил Викниксора сотрудник милиции, — ни о каком воровстве и речи быть не может...

То, что случилось с Мамочкой на Покровском рынке, получило тогда в городе довольно широкую огласку. Была даже статья в одной из петроградских газет, кажется в «Смене».

Держа путь на Малую Подьяческую, где проживал его старший, семейный брат, Мамочка проходил через По-

кровку. Пошёл он прямо через рынок, наверное для того, чтобы сократить путь. В этот день брат обещал повести его в цирк, и Мамочка боялся опоздать.

Рынок уже закрывался, народ расходился, торговцы складывали свои лари и навесы.

И тут Мамочка увидел такое, что заставило его мигом забыть и о цирке, и о брате, и обо всём на свете.

Три молодых нэпмана, три красномордых подвыпивших мясника, обступили большой решётчатый ларь, в каких обычно торговцы держат арбузы, капусту или живую домашнюю птицу, и с диким пьяным хохотом тыкали в этот ящик палками и растрёпанной дворницкой метлой.

— А ну говори, сопляк! — рычал один из них, самый краснощекий, высокий, в рыжем, замаранном кровью фартуке. — Говори... повторяй за мной: «Я индюк — красные сопли».

Мамочка подошёл ближе и с ужасом увидел, что в ящике, скорчившись, в неудобном положении сидит маленький белобрысый паренёк в изодранной белой рубаше и в сбитом на сторону красном галстуке. В этом пацане Мамочка без труда узнал одного из тех, кто приходил в Шкиду брать над нами шефство.

— А ну повторяй! — наседали на мальчика рыночники. — Повторяй, тебе говорят: «Я индюк — красные сопли... отрекаюсь...»

— Отпустите меня! Я же опаздываю! — сдерживая слёзы, из последних сил просил мальчик.

— Отрекайся, паскуда, хуже будет! А ну!..

И грязная метла снова полезла в лицо мальчику.

Мамочка не мог больше спокойно смотреть.

— Вы что делаете, гады?! — закричал он, кидаясь к мясникам.

Торговцы оглянулись и вытаращили глаза.

— А это ещё что за козявка?

— Вы что, я говорю, измываетесь над парнем? Думаете, большие, так можно?!

— Ах ты лягуха безглазая! — зарычал детина в фартуке. — Ты что, тоже в ящик захотел? А ну давай лезь за компанию!

И он протянул свою толстую волосатую руку, чтобы схватить Мамочку за шиворот. Но Мамочка был не из таких. Он успел больно укусить мясника за руку, отскочил в сторону, развернулся и изо всех сил лягнул своего противника босой пяткой в живот.

Дальнейшего, как говорится, Мамочка не запомнил.

Три дюжих мясника-ярославца избили его так, что на нём живого места не осталось. В больницу Мамочку привезли почти без пульса. И в течение суток врачи не знали, выживет он или нет.

Никаких документов при Мамочке не нашли. Только на третий день агент угрозыска, изучая Мамочкину одежду, обнаружил в кармане ярко-жёлтых штанов зелёный бархатный берет, а в подкладке этого берета — сложенное в восемь раз удостоверение, из коего следовало, что Фёдоров Константин, 13 лет, воспитанник петроградской Школы социально-индивидуального воспитания им. Ф.М. Достоевского, направляется в домашний отпуск до 9 часов утра 14 августа 1922 года.

Спасибо докторам и сиделкам Александровской городской больницы. Они выходили Мамочку, спасли его жизнь.

Признаться, я совсем не помню, как и когда Мамочка вернулся в Шкиду. Кажется, после больницы он несколь-

ко недель провел дома, у брата. Не помню я также, что сделали с мясниками. Знаю, что их судили и осудили. Но как и на сколько — врать не хочу, не запомнил. Сказать по правде, нам тогда было не до этого: Юнком переживал смутные времена, начались раздоры в центральном комитете, и история с Мамочкой как-то сама собой отошла на задний план.

Но вот что мне хорошо запомнилось.

Славный сентябрьский денёк. В классе четвёртого отделения идёт урок древней истории. Поскрипывая своими старыми, порыжелыми сапожками, Викниксор расхаживает по классу и с упоением повествует о немеркнущих подвигах спартанских воинов. Среди нас находится и Мамочка. Он сидит на своем обычном месте, на «камчатке». Место это Мамочка упорно обороняет уже не первый год. Сколько ни уговаривают его халдеи пересесть поближе, он отказывается, уверяет, что на задней парте ему лучше видно. Но что ему лучше видно, об этом он, конечно, умалчивает. Всё дело в том, что Мамочка — заядлый картёжник...

День солнечный, мягкий. За раскрытыми окнами позванивают трамваи, громяхают тяжёлые качки ломовиков, цокают копыта, с противоположного тротуара доносятся выкрики торговки семечками... Для нас все эти шумы сливаются в один однообразный рокот.

Но вот в эту скучную музыку улицы врывается что-то новое. Постойте, да это же, кажется, гром гремит! Нет, это не гром, это стучит барабан. Да, да, барабанная дробь. Она все ближе, ближе, она уже совсем близко, и вот, перекрывая барабан, на всю улицу, на весь город запел пионерский горн.

Нам уже не сиделось и не слушалось. С мольбой мы усталились на Викниксора:

— Виктор Николаевич, можно?

Викниксор походил по классу, потрогал мочку уха, похмурился, пожевал губами.

— Можно, — сказал он.

Мы бросились к окнам, облепили как мухи подоконники.

По улице от Обводного канала в сторону Калинкина моста шли пионеры. Это был тот же, знакомый нам отряд с завода «Красная Бавария», но теперь пионеров стало гораздо больше.

Барабан выстукивал чёткую дробь, ребята по-солдатски отбивали шаг, пел, заливался серебряный горн, и пламенно, огненно горело над головами юных пионеров вишнёвое полотнище знамени.

На этот раз мы лежали совсем тихо.

А пионеры поравнялись с нашими окнами, и вдруг их долговязый вожатый забежал немножко вперёд, повернулся лицом к отряду и взмахнул рукой. Барабан и горн одновременно смолкли, и все пионеры — а их было уже человек сто — разом повернули головы в нашу сторону и, не сбивая шага, три раза подряд громко и дружно прокричали:

— Ур-ра! Ур-ра! Ур-ра!!

Ошеломлённые, мы застыли на своих подоконниках.

И тут Янкель оглянулся и сказал:

— Мамочка, дитя моё, а ведь ты знаешь — эти овации относятся к твоей особе.

Мамочка удивился, покраснел, вытянул шею и вдруг узнал в барабанщике, который всё ещё держал палочки поднятыми над барабаном, того самого белобрысого паренька с Покровского рынка. Не знаю, что почувство-

вал в эту минуту Мамочка. Но он понял, вероятно, что от него ждут какого-то отклика. И, покраснев ещё гуще, он свесился вниз и крикнул своим писклявым, хриплым, не окрепшим после болезни голосом:

— Эй ты, голоногий, бубен потеряешь!..

После кое-кто уверял, что Мамочка дурак. Нет, дураком он, пожалуй, не был. Просто он был настоящий шкидец, не умел нежничать и не нашёл никакого другого способа выразить свои чувства.

ЗДЕСЬ ВСЁ ПО-ДРУГОМУ*

ГЛАВА ПЯТАЯ

Пробуждение было ужасным. Алина с размаху врезалась головой в земляной пол лачуги, больно, но не до потери сознания, не так, чтобы не почувствовать боль в грубо завёрнутых за спину руках. Где-то рядом вскрикнула и яростно выругалась Ксюша. Алина и сама добавила бы пару слов, но прикусила язык во время падения. В глаза бил яркий свет, кажется, от фонаря.

— Эти? — спросил над ней грубый мужской голос.

— Эти, эти, — угодливо поддакнул женский, противный и писклявый. — Не сомневайтесь, вы за них хорошо получите в квартале увеселений. А чего? Молодые, здоровые, долго протянут.

После секундной паузы Ксюша рассмеялась нехорошим злым смехом:

— А, тётя Рада, соседка дорогая! Думаешь, я не вернусь? Ещё как вернусь и очень скоро. И подпалю твой гаденький домишко с четырёх углов. Вместе с тобой, стерва старая!

Последнее она выкрикнула так, что даже напавшие на них люди шарахнулись в сторону, но тут же опомнились и принялись натягивать на головы девушкам мешки. Алина не сопротивлялась, а вот с Ксюшей им пришлось повозиться, но возня быстро оборвалась глухим ударом и злобным окриком:

Продолжение. Начало читайте в № 1 за 2022 г.

— Вот тебе, получи!

Алину охватила настоящая паника.

Их куда-то потащили, потом повезли. Судя по мерному покачиванию и лошадиному фырканию — на телеге. Алина, брошенная на жёсткие доски, пыталась нащупать и растолкать Ксюшу, но руки были крепко связаны, а немилосердно ноющее плечо упиралось во что-то твёрдое. Явно не человеческое тело, скорее уж в борт телеги.

Ехали долго. Алина потеряла счёт времени. Ушибленная голова и руки болели всё сильнее, боль заволакивала сознание серым туманом. Временами девушка в него проваливалась, потом выныривала, не осознавая, сколько длился этот обморочный сон. Телега мерно скрипела, всё тело затекло, и казалось, эта дорога никогда не кончится.

Неожиданно телега резко остановилась.

— Вытаскивай их! — скомандовал кто-то, и чьи-то руки безжалостно вытянули Алину и, судя по стону рядом, Ксюшу из телеги.

— Веди их вон туда! — продолжал тот же голос, но тут вмешался другой, довольно быстро приближающийся:

— Это ещё что? Что за пададь вы приволокли?

— Какая пададь?! Это свежие девочки для Кривого, — огрызнулся первый. — Зови его сюда.

— Нет его, — отрезал второй. — И не будет сегодня. Вези их обратно, туда, откуда взял.

— Прямо сейчас, разбежался! — рявкнул первый. — Какого чёрта ты вообще здесь раскомандовался? Нет, значит подождём. Здесь, в лагере. А девок в пустую клетку сунем. Как раз к приезду Кривого в товарный вид вернутся.

— Где я тебе для твоего товара пустую клетку найду? — возмутился второй. — Самим мало!

— Найдёшь, — уверенно заявил первый и толкнул Алину в спину. — В запасе за шатрами стоит, я сам видел.

Второй выругался вслед, но как-то безнадёжно. Спустя метров двести Алина споткнулась о железный порог.

— Заходи давай! — рыкнул незнакомец, толкая её вперёд и по дороге развязывая руки.

Они негнулись, опухли и даже не почувствовали облегчения, когда их освободили. Затем с головы сдёрнули мешок, лязгнуло что-то железное за спиной. Упавшая на колени Алина увидела перед собой лежащую навзничь Ксюшу, рванулась к ней, потрясла за плечо. Та не отзывалась.

— Ксюш! Ксюшка! Ты меня слышишь? Ксюша! — в отчаянии крикнула Алина.

Ресницы Ксюши дрогнули, и она тихо и внятно сказала:

— Не ори. Естественно, слышу.

— Какого чёрта? Я уже подумала, что они тебя убили!

— Не дождётся, — мрачно пообещала Ксюша, приподнимаясь на локте, — а обморок изображала, чтоб точно развязали. Это ты тихоня, а на мне могли верёвки и оставить.

— Где мы? — тоскливо спросила Алина, садясь на пол и осматриваясь.

Это действительно была клетка. Из толстых прутьев, с запертой на амбарный замок дверцей и утопанной соломой на полу. Стояла она между двумя сооружениями, напоминавшими шатры, и закрыта была практически с трёх сторон. Из-за левого шатра слышались голоса, ругань, какие-то трескучие звуки и шум льющейся воды.

— В том самом квартале увеселений, который нам вчера весь день кто-нибудь обещал, — хмыкнула Ксюша, ощупывая затылок, — в месте, где развлекаются за деньги.

— И что с нами сделают?

— Смотря на что будет спрос. Могут заставить танцевать на углях, развлекать посетителей какими-то особыми способами. Или, за невероятно хорошую плату, отдадут какому-нибудь маньяку. Есть здесь и такие. Богатые, твари, всё могут себе позволить.

Она мельком глянула на резко побледневшее лицо Алины и усмехнулась.

— Ты чего? Я же не сказала, что это обязательно сделают. Попробуют. А вот получится ли... Или ты намерена сидеть и ждать?

Алина судорожно замотала головой.

— А придётся пока, — с сожалением сказала Ксюша. — Днём отсюда не выбраться, мало народу, и все трезвые и внимательные. Да и проверять будут каждые полчаса. Надо ждать ночи.

— А если до ночи... — Голос Алины дрогнул.

Ксюша отмахнулась:

— Сама слышала, главного сегодня не будет. А без него они ничего не решают, даже такие мелочи. Расслабься и отдохни.

Время тянулось невыносимо медленно. Мимо клетки теперь часто кто-нибудь проходил или пробежал. Алина при появлении каждого человека сжималась в комок, но, казалось, никому не было никакого дела до двух пленниц.

Ксюша, впрочем, даже не смотрела проходящих.

— Здесь таких, как мы, не сосчитать. Это местный бизнес.

— Целый посёлок, живущий за счёт извращенцев и маньяков? — проворчала Алина.

— Ну, не сказать чтобы посёлок — квартал. Просто стоит в отдалении от города. Хотя у нас тут многие районы находятся на расстоянии друг от друга. Только кварталы бедноты лепятся вместе. Так выживать легче.

— Я заметила, — хмуро отозвалась Алина. — Ксюш, за что она так с нами?

— Кто? — не поняла та.

— Ну, эта твоя соседка. Это же она нас продала, да? Алина подтянула колени к подбородку и обняла их.

— Тварь! — бросила Ксюша, рассеянно глядя куда-то в пол. — Стерва старая! Она ещё приёмную мою мать ненавидела. А потом и меня по наследству. Я давно от неё подлянки ждала, но чтоб такой!..

— Как это вообще возможно — живого человека продать за деньги, зная, куда, зачем, — пробормотала Алина.

Ксюша горько фыркнула:

— Ещё и не такое можно. Тут у нас всё просто. Что злоба, что доброта, всё в открытую.

— Врёшь, — сморщилась Алина и, поймав недоумённый взгляд Ксюши, улыбнулась, впервые за прошедшие сутки. — Ты проявляешь ко мне доброту и пытаешься её замаскировать каким-то непонятным цинизмом.

— Ты мне заплатила, — буркнула Ксюша, отводя глаза.

— Не сразу. Спасла ты меня просто так. И я не платила тебе за ночлег, кормёжку, постоянную поддержку и просто за то, что ты не оставила меня в беде.

— Я отрабатываю плату, — упрямо набычилась Ксюша, — просто делаю это честно. А то, что ты постоянно

попадаешь в неприятности, и мне приходится тебя вытаскивать, так это твоё личное невезение.

— Я просто хотела сказать спасибо, — пожала плечами Алина, — а там считай как знаешь. Ты мне, правда, очень помогаешь. Я бы без тебя пропала.

— Не ввязывалась бы в нелепые спасательные операции, не пропала бы, — смягчилась Ксюша.

— Какие операции?

— Ну, ты же лезешь на рожон, чтобы спасти неизвестно кого.

— Не неизвестно кого, а друга.

— Друга! — передразнила Ксюша. — На черта подставляться из-за так называемого друга?! Дружба твоя ничто по сравнению с твоей жизнью.

— Представляешь, он тоже здесь один, как и я была, — задумчиво сказала Алина. — Ты представляешь, как ему может быть плохо? Где он, что с ним случилось?

— А чего ты за него так переживаешь? Ему что, пять лет? Или он тебе не друг вовсе?

С минуту Алина молчала. Потом сказала, как будто сама себе:

— Мы сюда попали прямо с нашего первого свидания. Мне тогда казалось, что это самое глупое и неловкое событие в моей жизни. Ну как можно целоваться, например, с боевым товарищем, с которым на спор лезешь на крышу школы, кто выше? А потом молчишь, как партизан, в кабинете директора. Прикрываешь от родителей, даёшь списывать, хот-дог на двоих делишь. Да я его вообще как противоположный пол не воспринимала. Представляешь, даже о мечтах своих о прекрасном принце рассказывала!

Алина неловко усмехнулась и накрутила на палец уже довольно грязную светлую прядь. Ксюша слушала неожиданно внимательно и серьёзно. Оказалось, что ей приятно об этом рассказывать.

— А теперь... Мне кажется, что прошло несколько лет, а не дней. Знаешь, это свидание словно было в другой жизни, светлой, прекрасной, как сон. И Вадька тоже из того сна. Я так испугалась за него. Я когда услышала, что его, наверное, эти проклятые ловцы забрали... Честно, я уже не знаю, кто он мне. Понятно, что очень близкий человек, но...

Алина неопределённо поводила рукой в воздухе. Было очень трудно подобрать слова, словно что-то мешало, стояло в горле. Мысли путались. Ксюша задумчиво хмыкнула, помолчала, потом серьёзно сказала:

— А по-моему, он просто единственный человек из твоего мира в этом. Ну, мостик этакий, единственное, что тебя соединяет с верхним.

— Думаешь? — подняла на неё глаза Алина.

— Ну да, — небрежно отозвалась Ксюша, — в любом случае, мы его найдём, выведу я вас отсюда, а там решать будешь. Всё равно ничего не решишь, пока голова занята спасением остальных частей тела.

— Ну, решать точно не стоит, — пробормотала Алина, — а вот определиться с собственными чувствами стрессовые ситуации иногда помогают. — И неожиданно спросила: — А у тебя кто-нибудь есть?

— Кто? — удивилась Ксюша. — В этой вонючей дыре?

— Ну, как я поняла, наверх ты не хочешь. Так что выбирать не из чего.

— А я и не собираюсь. Никто мне не нужен. Пока что точно. А дальше видно будет. — Она тяжело вздохну-

ла, неожиданно наклонилась и взяла Алину за руку. — Тебе повезло. У тебя хотя бы есть по поводу кого сомневаться — И также неожиданно отпустила, смутившись собственного порыва.

Обе надолго замолчали. Солнце поднялось уже высоко и грело плечи сидящих на полу девушек сквозь соломенную крышу клетки. Судя по суете вокруг, днём в квартале увеселений занимались исключительно хозяйством. Причём в основном женщины. На вопрос Алины Ксюша лишь мотнула головой:

— Ага. Тут жизнь ночью начинается. А днём только приготовления к ней. Стирка, уборка, готовка. Работают нанятые пришлые, а хозяева отсыпаются.

— Слушай. Я, конечно, не очень много общалась со здешними людьми, но ты как-то уж очень резко отличаешься от них, даже разговариваешь по-другому, — Алина глянула вопросительно на товарку, та беззаботно пожала плечами.

— Приёмная мама занималась воспитанием. Читать научила, писать. За речью следила. На последние деньги покупала попадающие из верхнего книжки. Целая библиотека была. — Ксюша помолчала, покусала губу и тихо добавила: — Я после её смерти целых два года ещё читала. Книг очень много было, она далеко не всё успела мне прочесть сама. А потом они сгорели. Вместе с домом. Хозяева тогда двух умерших от непонятной болезни нашли. Чёрт её знает, что за болезнь, но откуда она пошла, никто не сомневался. Беднота всегда считается рассадником заразы. Вот нас и подожгли. Типа, очищающий огонь.

— И как ты тогда? — с искренним ужасом спросила Алина. Она просто не могла себе представить, чтобы

ребёнок вот так, совсем один, никому не нужный, в пожаре, выжил и не сошёл с ума.

— Плакала, — честно сказала Ксюша, — по книгам, по дому, по собственным воспоминаниям. В последний раз плакала. А потом ушла и больше туда не возвращалась. Незачем.

— А твой нынешний дом?

— Да это так, ерунда, — отмахнулась Ксюша, — горельцы ставили себе времянки, ну и меня пожалели. Соседка моя проклятая, кстати, до переезда жизни нам не давала и после под бок пристроилась. Уж не знаю, чем мать ей настолько насолила. Я почти там не бываю.

— И где ты тогда ночуешь?

— Где повезёт, — хмыкнула Ксюша, — иногда прямо на улице.

— То есть дома у тебя тоже нет, — грустно подытожила Алина. — Объясни мне тогда, почему ты не хочешь вернуться в верхний? Что ты потеряешь?

— Свободу, — просто отозвалась девушка. — Здесь меня не будут отлавливать, чтобы отправить в детдом.

— Зато отлавливают для квартала увеселений. Конечно, детдом намного хуже!

— Здесь меня не посадят за вынужденную самооборону. Угрохала кого-нибудь и смылась.

— Если дружки убитого не оторвут голову.

— Ты не понимаешь. Здесь всё проще. Проще люди, отношения, страсти. Не прикрываются здесь красивыми словами, показным благородством, не лицемерят. Никому это не надо. Люди без масок, жизнь без прикрас. Я не хочу снова к мило улыбающимся людям, способным с этой улыбкой сделать всё что угодно. У нас, например, несмотря на разврат и продажность, в квартале увесе-

лений нет ни одного ребёнка. Потому что это табу. Никто не заплатит за доставку их сюда. Примитивный закон природы — детёныши неприкасаемы. Люди из верхнего хуже животных.

— Зато мы не решаем все вопросы с помощью силы, — обидчиво возразила Алина, — и у нас есть и дружба, и любовь.

— Это как посмотреть, — пожала плечами Ксюша. — Никто не знает, настоящие они или нет, пока не выпадает случай проверить. А придуманных и у нас много. Короче, не поймём мы друг друга. Ты там, я здесь. Ты веришь в превосходство своего мира, а я своего. Тебя тянет туда, и ты туда вернёшься. А я останусь здесь и ни капельки по этому поводу не расстроюсь.

— Мне будет жаль расставаться с тобой насовсем.

Алина прикоснулась к рукаву старенькой рубашки Ксюши. Куртки остались в лачуге. Когда девушек вязали, как дорожные узлы, никто и не подумал прихватить им тёплую одежду. Кого волновало, замёрзнут они или нет. Благо, весеннее солнце грело на совесть, так что пока проблем не было.

— Такова жизнь, — философски отозвалась Ксюша, — мне тоже, наверное, придётся привыкнуть, что неприятности больше не падают на голову, словно снежинки зимой. Ничего, я постараюсь с этим справиться.

— Да ну тебя! — фыркнула Алина. Но на душе у неё стало немного легче.

День тянулся. В животах пленниц начинало бурчать, но кормить их явно никто не собирался. Заметив, как Алина сглатывает слюну, Ксюша её утешила:

— Терпи, пожрать ещё не скоро придётся. День здесь просидим, а к ночи начнутся развлечения, музыка, вы-

пивка, народ расслабится, прислуга перестанет шариться по двору и займётся клиентами.

— И что тогда? — спросила Алина с отчаянной надеждой, что Ксюша уже нашла путь к спасению.

— А там по обстоятельствам, — не оправдала её Ксюша. К вечеру снова стало холодать.

— Не стучи зубами, — заметила Ксюша, — хочешь, побегай кругами.

— Тебе что, совсем не холодно?

— Не особо. Вот зимой...

Где-то вдалеке заиграла музыка. Судя по отсветам за стенами примыкающих к клетке шатров, неподалеку разжигали костры.

— Скоро уже, — задумчиво пробормотала Ксюша, — скоро тут начнётся самое интересное. Но мы постараемся улизнуть с этого праздника жизни.

Темнело быстро. Алина и в самом деле, чтобы не замерзнуть, принялась вышагивать вдоль прутьев.

— А это вообще нормально, что про нас забыли?

— А тебя это сильно огорчает? — удивилась Ксюша. — Всё нормально же. Главного нет, куда нас определять пока никто не решил. Да и никому это особо не интересно, не такие уж мы важные гости. Даже если мы тут подохнем от голода и холода, позабытые всеми, никто плакать не будет. Да и вообще вряд ли заметят. Наша жизнь интересует только нас. Кстати, заканчиваем трёп и принимаемся за дело.

— Какое? — встрепенулась Алина.

Ксюша присела на корточки в углу клетки и внимательно изучала пол.

— А клетка-то старая, — протянула она, тыкая в него пальцем. — Доски совсем прогнили, Чёрт, придётся

ждать самого разгара веселья, чтобы не услышали, как мы его ломаем.

И они ждали. Сидели в липкой чёрной мгле, особенно густой из-за пылающих костров в центре квартала. Казалось, клетка их сплетена не только из железных прутьев, но и этого мрака, который можно потрогать руками. Девушки сидели сначала в разных углах, потом придвинулись ближе друг к другу, потом ещё и ещё, пока не соприкоснулись плечами. Так было теплее. И не так страшно. Алина подозревала, что, несмотря на внешнюю невозмутимость, подруга по несчастью боится не меньше неё самой.

Казалось, ночь пройдёт, а они так и не попытаются сбежать. Но когда эта мысль окончательно завладела Алиной, Ксюша прошептала:

— Ну всё, начинаем.

Доски были действительно гнилыми. Но и такие оказались тяжким испытанием для измученных девчонок. Алина уже чуть не плакала, Ксюша до крови искусала губы, пока деревяшки не поддались их напору и треснули, проваливаясь вниз на землю.

— Роем! — тут же приказала Ксюша.

Прорытая ими нора походила скорее на кошачий лаз, но времени, чтобы её расширить, не было.

— Я первая, — сказала Ксюша.

Дыра выходила на поверхность прямо за стеной клетки, расстояние было меньше метра, но всё равно было страшно. Изгибаясь и шёпотом ругаясь последними словами, она-таки пролезла в лаз, и спустя пару минут выпрямилась уже по ту сторону прутьев.

— Давай быстрее, — прошипела она, отряхиваясь от налипшей земли.

Алина сунулась в лаз — и застряла на середине.

— Чего ты копаешься? — потащила её за шиворот Ксюша, но это не помогло. И тут где-то совсем рядом раздались голоса.

Ужас, охвативший Алину, был настолько велик, что она даже не поняла, как оказалась на поверхности. Беглянки рухнули на землю, стараясь даже не дышать. Алина впервые в жизни молилась всем известным ей богам, чтобы их не заметили, не обратили внимания на пустую клетку.

Голоса удалились.

— Ползи строго за мной! — шёпотом велела Ксюша и зашуршала куда-то влево. Алина поспешила за ней и через несколько метров сползла в глубокую канаву. Ксюша уже лежала в ней.

— А теперь, — велела она, — очень быстро ползём по этой замечательной кишке.

— Далеко? — безнадёжно спросила Алина.

— Как повезёт.

Ползли долго, хватило, чтобы напрочь ободрать ладони и колени под рваными джинсами. Алина даже не сразу поняла, что Ксюша стоит над ней и трясёт её за плечо.

— Дальше ножками, вставай. Не замерзла окончательно?

— Нет, — вяло отозвалась Алина, поднимаясь.

Холода она и вправду не чувствовала, как, впрочем, и ничего другого. Даже голод прошёл, осталось только невероятное желание лечь прямо здесь и уснуть. Она вздохнула и побрела вперёд.

Рассветало, когда девушки добрались до окраины какого-то жилого района.

— Куда дальше? — спросила Алина, останавливаясь.

— Пожрать и поспать, — буркнула спутница, — не бойся, доведу. Есть тут одно местечко недалеко. Пошли.

И они снова побрели, не чувствуя под собой ног.

На улицах было пусто. Жители ещё спали. Грабить в такой час было некого, и местные банды тоже отправились на покой. Стояла тишина, закутанная в серые прозрачные сумерки. Алина шла, глядя под ноги, и никогда не смогла бы объяснить, что заставило её поднять голову. Словно толкнул кто-то. И, на секунду замерев, она тут же с криком бросилась вперёд.

*Продолжение читайте в следующем
номере журнала*

УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ

Лариса Шевцова

УРОК 50

ИРИС

Дорогие друзья, сегодня я расскажу вам о том, как сплести удивительно красивый цветок — ирис. У ириса огромное количество сортов, расцветок, форм, поэтому вашей фантазии есть где разыграться. Но хочу предупредить сразу, что работа эта не для новичков — мы будем использовать шесть цветов бисера, различные варианты параллельного плетения, различные виды соединения деталей, ажурные и т.п.

Урок мы разделим на две части: в первой части мы сплетём сам цветок, а во второй части бутон, зелёные листья и другие зелёные дополнения.

Итак, приступим.

Для работы нам понадобятся:

бисер № 10 фиолетового, розового, белого, жёлтого, светло-зелёного и тёмно-зелёного цвета;

флористические стержни диаметром 2 мм;

проволока диаметром 0,3 мм фиолетового и зелёного цвета;

флористическая лента или нитки мулине под цвет светло-зелёного бисера;
красивая ваза.

Цветок ириса состоит из трёх верхних лепестков, трёх язычков, трёх нижних лепестков, серединки, двух чашелистиков и довольно большого количества зелёных листьев. Количество зелёных листьев можно сократить, если ирисов в букете будет штук пять или если вместе с ирисами будут стоять ещё какие-нибудь весенние цветы или просто декоративные ветки. Но один ирис — это тоже очень красиво.

Серединка ириса

Серединку ириса мы выполним в технике непрерывных одинарных петель.

Длина проволоки зелёного цвета 35 — 40 см.

Нанижем 2 светло-зелёные бисерины, 5 жёлтых, 2 светло-зелёные и ещё 1 светло-зелёную бисерину сразу на оба конца проволоки. Выровняем концы проволоки так, чтобы один из них был короче другого на 1,5 — 2 см. На коротком конце проволоки выполним ещё две такие же петли, а на длинном — три. Для выполнения такой же петли одним концом проволоки нанижем на него 3 светло-зелёные бисерины, 5 жёлтых и 2 светло-зелёные. Этим же концом пройдем в обратном направлении через самую первую бисерину так, чтобы конец проволоки вошёл между второй и первой бисеринами, а вышел рядом с другим концом проволоки, выходящим из соседней петли.

Соберём петли в цветочек, подкрутим концы проволоки между первой и шестой петлёй на пару оборотов, а потом любой из них перекинем, как мостик, и опустим к оставшемуся между третьей и четвёртой петлёй. Теперь

можно аккуратно и плотно скрутить их между собой на 1 — 1,5 см. Серединка готова.

Верхний лепесток

Для верхнего лепестка нам понадобятся два отрезка проволоки фиолетового цвета по 50 см, один отрезок проволоки длиной 25 см и бисер фиолетового цвета.

На отрезке проволоки 50 см в технике параллельного плетения выполним схему: 5, 6.

Второй отрезок проволоки длиной 50 см вставляем между третьей и четвёртой бисеринами второго ряда, выравниваем концы и скручиваем буквально на один оборот: нам нужно просто закрепить второй отрезок проволоки, чтобы он не двигался в процессе плетения.

Теперь будем плести левую половину лепестка. Бисер всегда набираем на тот конец проволоки, который в данном ряду находится снаружи, а проплетаем тем концом, который в данном ряду расположен в центре лепестка. Можно также называть концы проволоки наружным и внутренним.

На наружный конец проволоки нанизываем 5 бисерин, а внутренним проплетаем только 4 бисерины, 1 бисерина остаётся непроплетённой. Она нам понадобится для выполнения ажурного края вокруг лепестка.

Далее в технике обычного параллельного плетения выполним схему: 5, 6, 7.

В следующем ряду нанижем на наружный конец проволоки 8 бисерин, а проплетём только 7.

Следующие три ряда плетём в технике обычного параллельного плетения по схеме: 8, 8, 8.

В следующем ряду нанизываем на наружный конец проволоки 8 бисерин, а внутренним проплетаем только 7.

Следующие три ряда плетём по схеме: 7, 6, 5.

В следующем ряду нанизываем на наружный конец 5 бисерин, а внутренним проплетаем только 4.

Оставшиеся три ряда плетём в технике обычного параллельного плетения по схеме: 3, 3, 2.

Я специально довольно подробно описала порядок работы для того, чтобы было ясно, что после каждого ряда с одной непроплетённой бисериной следуют три обычных ряда.

Схему половинки лепестка можно записать следующим образом:

5 (4-1), 5, 6, 7, 8 (7-1), 8, 8, 8, 8 (7-1), 7, 6, 5, 5 (4-1), 3, 3, 2.

Вторую половину лепестка плетём точно так же, но прежде чем нанизывать бисер, внутренний конец проволоки продеваем над симметричным рядом первой половинки лепестка. Не забываем делать это после каждого выполненного ряда, иначе у нас образуется дыра.

Переходим к ажуре.

Ажур выполним из бисера фиолетового цвета на проволоке длиной 25 см фиолетового цвета.

Возьмём в руки лепесток и внимательно прощупаем его боковые части — с каждой стороны у нас по четыре непроплетённые бисерины (они заметно выделяются). В самую нижнюю бисерину с любой стороны продеваем конец проволоки, делаем под бисериной небольшой загиб, чтобы проволока не выскочила. Нанизываем 7 бисерин и продеваем нашу проволоку в следующую непроплетённую бисерину, аккуратно, чтобы не выдернуть, подтягиваем бисер к лепестку.

Снова нанизываем 7 бисерин и проходим в следующую непроплетённую бисерину.

По бокам лепестка между непроплетёнными бисеринами нанизываем по 7 бисерин, а сверху, между верхни-

ми непроплетёнными бисеринами левой и правой половинки лепестка, нанизываем 9 бисерин.

У нас получилось по три ажурных дуги с каждой стороны и одна ажурная дуга вверху.

Концы проволоки под ажуром аккуратно продеваем между оставшимися рядами до самого низа и плотно скручиваем все шесть на 1,5 — 2 см.

Большой лепесток

Сразу хочу сказать, что в большом лепестке так же, как и в маленьком, ряды с непроплетёнными бисеринами будут чередоваться с тремя рядами обычного плетения. Точно таким же будет и ажур.

Приплетать вторую половину лепестка к первой мы будем точно так же, как и в маленьком.

Для большого лепестка нам понадобятся два отрезка проволоки фиолетового цвета по 60 см и ещё один длиной 25 см для ажюра.

Бисер фиолетового, розового, белого и жёлтого цвета.

Давайте поговорим немного о сочетании цветов бисера для ириса. В лепестках ириса могут быть и очень контрастные цвета, и с едва заметным переходом. Если мы будем использовать контрастные цвета, то должны подобрать их так, чтобы они вместе смотрелись гармонично. Если же речь пойдёт о едва заметных переходах, то лучше брать бисер одинакового цвета, например, фиолетового, но разной степени насыщенности. И не забываем о фактуре бисера: жемчужный сочетаем с жемчужным, прозрачный с прозрачным, огонёк с огоньком и т.п. Конечно, бывают исключения, но всё же лучше посоветоваться не просто с видящим человеком, а с тем, у кого хороший вкус или он тоже занимается бисероплетением.

Приступаем к работе. В технике параллельного плетения на отрезке проволоки длиной 60 см выполним схему 5, 6 из фиолетового бисера. Точно так же, как и в маленьком лепестке, вставим второй отрезок проволоки длиной 60 см. Начинаем плести левую половину большого лепестка. Так как в этом лепестке мы используем бисер разного цвета, то порядок нанизывания всегда будет даваться для наружного конца. Если кто-то из вас привык плести от середины лепестка (я и сама так делаю), то нанизывать бисер придётся в обратном порядке.

1 ряд: 5 фиолетовых бисерин (4 — 1). Помним по маленькому лепестку, что «4 — 1» означает, что мы проплетаем 4 бисерины, а 1 бисерина остаётся непроплетённой.

2 ряд: 5 фиолетовых бисерин.

3 ряд: 6 фиолетовых бисерин.

4 ряд: 7 фиолетовых бисерин.

5 ряд: 8 фиолетовых бисерин (7 — 1).

6 ряд: 8 фиолетовых бисерин.

7 ряд: 7 фиолетовых бисерин, 1 розовая бисерина.

8 ряд: 7 фиолетовых бисерин, 1 розовая бисерина, 1 белая бисерина.

9 ряд: (9 — 1) 8 фиолетовых бисерин, 1 розовая бисерина, 1 белая бисерина.

10 ряд: 3 фиолетовые бисерины, 1 розовая бисерина, 1 фиолетовая бисерина, 1 розовая бисерина, 1 белая бисерина, 1 жёлтая бисерина.

11 ряд: точно такой же, как и десятый.

12 ряд: 3 фиолетовые бисерины, 1 розовая бисерина, 1 белая бисерина, 2 жёлтые бисерины.

13 ряд: (7 — 1) 3 фиолетовые бисерины, 1 розовая бисерина, 1 белая бисерина, 2 жёлтые бисерины.

14 ряд: 2 фиолетовые бисерины, 1 розовая бисерина, 1 белая бисерина, 2 жёлтые бисерины.

15 ряд: 1 фиолетовая бисерина, 1 розовая бисерина, 1 белая бисерина, 3 жёлтые бисерины.

16 ряд: 1 розовая бисерина, 1 белая бисерина, 3 жёлтые бисерины.

17 ряд: 1 белая бисерина, 3 жёлтые бисерины.

18 ряд: 1 белая бисерина, 2 жёлтые бисерины.

19 ряд: 2 жёлтые бисерины.

20 ряд: 2 жёлтые бисерины.

Язычок

Язычок — это небольшой лепесток, который расположен между верхним и нижним лепестком. Для него нам понадобится два отрезка проволоки фиолетового цвета длиной 35 и 15 см. Бисер фиолетового, розового, белого и жёлтого цвета.

На длинном отрезке проволоки в технике параллельного плетения выполняем схему: 7, 7. Концы проволоки выравниваем, но не затягиваем до конца. Берём короткий отрезок проволоки и заводим его в первую бисерину верхнего (первого) ряда. Слегка закрепляем, чтобы не выскочил. На тот конец, который выходит между первой и второй бисеринами первого ряда, нанизываем 7 фиолетовых бисерин и входим им же в седьмую бисерину верхнего (первого) ряда так, чтобы он вошёл между шестой и седьмой бисеринами, а вышел между рядами, как и первый. Немного сложно на первый взгляд, но в процессе всё станет понятным.

Оставляем второй отрезок проволоки и продолжаем плести на первом.

3 ряд: 7 фиолетовых бисерин.

4 ряд: 6 фиолетовых бисерин.

5 ряд: 2 фиолетовые бисерины, 1 розовая бисерина, 2 фиолетовые бисерины.

6 ряд: (5 — 2). Это означает, что и слева, и справа у нас должны остаться по одной непроплетённой бисерине. На левый конец проволоки нанизываем 2 фиолетовые бисерины, 1 розовую бисерину, 1 белую бисерину, 1 розовую бисерину, 1 фиолетовую бисерину, а на правый конец проволоки — 1 фиолетовую бисерину. Проплетаем правым концом 5 бисерин.

7 ряд: 1 белая бисерина, 3 жёлтые бисерины, 1 белая бисерина.

8 ряд: 1 белая бисерина, 2 жёлтые бисерины, 1 белая бисерина.

Оставшиеся ряды плетём из бисера жёлтого цвета по схеме: 4, 4, 3, 2.

Для ажюра нанизываем по 7 фиолетовых бисерин на каждый из концов второго отрезка проволоки и проводим их в непроплетённые бисерины слева и справа. Концы этого отрезка точно так же заправляем между рядами.

Дорогие друзья, по-прежнему жду от вас вопросы, предложения и фото ваших работ.

Ваша Лариса Андреевна

*Продолжение читайте в следующем
номере журнала*